

**Узбекистонда
ИЖТИМОЙ
Фанлар**

**9
1978**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

фан

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

9

1978

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ (*зам. главного редактора*), член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. Э. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор ист. наук М. А. АХУНОВА, доктор филос. наук М. Б. БАРАТОВ, доктор филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ, доктор филос. наук М. К. КОШЧАНОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. филос. наук Г. Ю. ШАЮСУПОВА, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*)

Адрес редколлегии: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70. Телефон ответственного редактора 32-73-52.

*Редактор И. Маркман
Технический редактор Л. Тюрина*

Сдано в набор 3.VIII-78 г. Подписано к печати 30.VIII-78 г. Р14628. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 4.6. Усл. печ. 4,55. Тираж 1689. Заказ 178. Цена 40 к.

Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства: 700047, ул. Гоголя, 70.

С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОБЛЕМЫ ВОДООБЕСПЕЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ*

Бурное развитие производительных сил республик Средней Азии, где сосредоточена почти половина всех орошаемых земель страны, тесно связано с быстрым ростом потребления водных ресурсов. За годы Советской власти здесь осуществлено широкое водохозяйственное строительство.

В результате осуществления ленинской национальной политики партии, братской дружбы и взаимопомощи народов СССР республики Средней Азии в ходе строительства социализма и коммунизма превратились в развитые индустриально-аграрные районы, обладающие мощным экономическим потенциалом и вносящие большой вклад в создание материально-технической базы коммунизма.

Ныне в среднеазиатских республиках, где проживает лишь 9% населения страны, сконцентрировано 90% общесоюзного производства хлопка-сырца и кенафа, 70% — шелковичных коконов, 60% — каракуля, 16% — шерсти, фруктов, винограда, овощей, бахчевых культур.

Здесь сосредоточено также 100% общесоюзного производства хлопкоуборочных и куракоуборочных машин, подборщиков хлопка, ворохоочистителей, тракторов хлопковой модификации, тракторных хлопковых сеялок и ровничных машин, 90% производства хлопкоочистительного оборудования и столько же — хлопка-волокна, 25% — прядильных машин, 18% — растительного масла, 13% — азотных и фосфорных удобрений, 11% — шелковых тканей.

Кроме того, в Среднеазиатском экономическом районе добываются 30% природного газа страны, значительное количество угля, нефти, цветных металлов, редкие элементы и многие другие жизненно важные виды минерального сырья. В недрах региона обнаружено 89 элементов периодической системы Менделеева, причем более 50 из них пригодны для освоения.

Средняя Азия располагает огромными земельными массивами. По прогнозным оценкам, при соответствующей водообеспеченности площадь орошаемых земель можно увеличить здесь в несколько раз.

Реки Средней Азии сосредоточили в себе 29% общесоюзного потенциала гидроэнергии. По ее размерам Таджикистан занимает второе, а Киргизия — третье место в Союзе.

Одна из главных региональных особенностей Средней Азии — быстрые темпы роста численности населения и трудовых ресурсов, которые,

* В основу статьи положен текст доклада, прочитанного автором на Всесоюзной конференции «Проблемы переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан в свете решений XXV съезда КПСС» (Ташкент, апрель 1978 г.).

как подчеркивал В. И. Ленин, представляют важнейшую производительную силу. Темпы естественного прироста населения здесь втрое превышают общесоюзные показатели. Если учесть относительно малую степень мобильности местных жителей, незначительность миграционных процессов среди сельского населения, становится понятным, какую сложность представляет рациональное использование трудовых ресурсов района. Это—общесоюзная проблема, решить которую можно лишь совместными усилиями научно-исследовательских институтов, планирующих и хозяйственных органов.

Другая не менее важная региональная особенность республик Средней Азии и Казахстана—наличие возможных к орошению огромных земельных массивов и вместе с тем—острый недостаток водных ресурсов. В настоящее время площадь орошаемых земель в регионе составляет 7,2 млн. га, из них в Узбекстане—3132 тыс. га, в Казахстане—1,7 млн. га, в Киргизии—924 тыс., в Туркмении—846 тыс., в Таджикистане—582 тыс. га.

Сейчас в регионе разворачиваются широкое водохозяйственное строительство и интенсивное освоение новых поливных земель. Только за 1970—1976 гг. чистый прирост орошаемых земель составил 1 млн. га, в том числе: в Узбекской ССР—436 тыс. га, Казахской—256 тыс., Туркменской—203 тыс., Таджикской—64 тыс. и в Киргизской ССР—41 тыс. га.

Освоение новых поливных земель сопровождается резким увеличением расхода водных ресурсов в бассейнах Сырдарьи и Амударьи, усилением напряженности водного баланса, обусловленной высокими темпами роста сельскохозяйственных культур, сокращением поступления воды в Аральское море. За последние 15 лет уровень Арала понизился на 6 м, что отрицательно сказывается на природных и социально-экономических условиях этого района.

Дальнейший рост сельскохозяйственного производства и связанных с ним отраслей промышленности требует коренного решения проблемы повышения водообеспеченности староорошаемых и целенаправленного, планомерного освоения новых земель.

По данным научных учреждений, в Среднеазиатском регионе в перспективе можно оросить и освоить до 25 млн. га земель, из них около 14 млн. га намечены (в том числе 7,0 млн. га в УзССР) для первоочередного освоения.

Но для превращения данной возможности в действительность не хватает водных ресурсов. Этот вопрос становится для нашего региона проблемой номер один.

Едиственный путь ее решения—переброска части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан. Однако еще до ее практического осуществления необходимо максимально мобилизовать внутренние резервы.

В настоящее время определены главные направления и комплекс организационных, экономических и производственно-технических мер по наиболее полному, рациональному и экономному использованию местных водных ресурсов. К важнейшим из них относятся:

- 1) ускоренное строительство больших и малых водохранилищ для сезонного и многолетнего регулирования стока рек;

- 2) реконструкция существующих оросительных систем, замена ненадлежащих сооружений, к которым относится большинство существующих сетей, на инженерные системы. Общая стоимость этих работ оценивается примерно в 3—3,5 тыс. руб. на га. Только по Узбекистану данные мероприятия потребуют около 7 млрд. руб. Наибольшую сложность представляет полное переустройство внутрихозяйственного земле-

и водопользования. Помимо больших капитальных вложений, на его осуществление уйдет много времени. По расчетам проектных институтов, на это потребуется 20—30 лет, и в отдельных случаях придется временно выключать часть земель из сельскохозяйственного оборота;

3) увеличение использования подземных вод. В последнее время многие специалисты приходят к выводу, что запасы подземных вод не так уж велики. Поэтому они должны быть зарезервированы для удовлетворения потребностей коммунального, промышленного водоснабжения и обводнения пастбищ. Следовательно, необходимы широкие гидрогеологические исследования по уточнению запасов подземной воды;

4) применение новейших достижений технического прогресса—автоматизации водораспределения и механизации полива.

Указанные мероприятия уже проводятся в жизнь. Но, как показывают расчеты, дополнительный гарантированный сток, который будет получен за счет строительства водохранилищ, а также экономии воды в результате реконструкции старых систем, целиком пойдет на повышение водообеспеченности существующих земель.

Следует отметить и такой немаловажный факт, как быстрое ухудшение качества водных ресурсов, приводящее к ускоренному засолению, выпадению из сельхозоборота и снижению плодородия почв на значительных площадях. Трудность эта будет возрастать ввиду нехватки внутри региона пресной воды для промывных поливов. Ее можно получить лишь за счет стока сибирских рек.

Уже сегодня во многих районах бассейнов Сырдарьи и Амударьи из-за острого дефицита и ухудшения качества водных ресурсов участились случаи вынужденного прекращения подачи воды и подсушки уже растущих посевов риса, кукурузы, люцерны, а также овощей и фруктов. Между тем только в десятой пятилетке предстоит освоить 460 тыс. га новых земель.

Согласно прогнозным проработкам, дефицит водных ресурсов в ближайшей перспективе может отрицательно повлиять на эффективное использование имеющихся в регионе природных и трудовых ресурсов и решение актуальных социально-экономических задач.

В этой связи решениями XXV съезда КПСС предусмотрено «провести научные исследования и осуществить на этой основе проектные проработки, связанные с проблемой переброски части стока северных и сибирских рек в Среднюю Азию, Казахстан и в бассейн реки Волги».

Необходимость ускоренного решения вопроса о переброске избыточных водных ресурсов Западной Сибири в вододефицитный район бассейна Арала вытекает из важной роли среднеазиатских республик и Казахстана в решении социально-экономических задач общесоюзного масштаба в ближайшей и отдаленной перспективе, а также региональных социально-экономических проблем.

Отсюда вытекает крайняя необходимость всемерного ускорения сроков завершения научно-исследовательских проектных проработок и начала строительных работ по переброске части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан. Это будет полностью соответствовать указаниям Л. И. Брежнева на декабрьском (1977) Пленуме ЦК КПСС относительно «выбора приоритета, то есть очередности решения проблем в соответствии с их значением для народного хозяйства и исходя из общегосударственных интересов».

Общегосударственное значение своевременного решения этой проблемы связано с дальнейшим мощным развитием производительных сил всего Среднеазиатского региона.

Во-первых, прирост земельных ресурсов, вызванный повышением водообеспеченности, позволит расширить посевные площади под хлопчатником и другими сельскохозяйственными культурами, совершенствовать их структуру, что в конечном счете приведет также к увеличению производства овощей, фруктов, винограда, животноводческой продукции.

Во-вторых, это создаст благоприятные условия для организации «зеленого моста» Средняя Азия—Сибирь. Тем самым наши республики смогут увеличить свой вклад в решение важной общесоюзной проблемы—улучшение снабжения продовольствием и закрепление кадров в недостаточно обеспеченных трудовыми ресурсами районах Сибири.

В-третьих, освоение больших земельных массивов даст возможность обеспечить решение важнейших социально-экономических проблем Средней Азии—быстрое развитие агропромышленных комплексов и особенно хлопкового народнохозяйственного комплекса.

На долю агропромышленного комплекса, предопределяющего место республик Средней Азии в общесоюзном разделении труда, приходится около 45% их валового общественного продукта, свыше 30% основных производственных фондов и 50% численности работников, занятых в общественном производстве.

Сельское хозяйство поглощает довольно значительную часть прироста населения. На его долю в годы девятой пятилетки приходилось свыше 26% общего прироста работников. Таким образом, решение проблемы занятости на сегодняшний день более чем на $\frac{1}{4}$ зависит от развития сельскохозяйственного производства. Вместе с другими отраслями, входящими в состав агропромышленного комплекса, степень его влияния (по приростным показателям) составит 50% и выше.

В-четвертых, дальнейшее ускоренное развитие агропромышленного комплекса республик Средней Азии объективно необходимо для выравнивания уровня потребления важнейших продуктов питания на территории страны.

В-пятых, с социальной точки зрения, достаточно мощный агропромышленный комплекс обеспечит занятость значительной части прироста населения (особенно сельского) в общесоюзном производстве и на этой основе повысит уровень доходов и народного потребления. Это тем более важно потому, что значительная часть национального дохода республик Средней Азии создается именно в сельском хозяйстве (32% против 16,8% по Союзу в целом).

В-шестых, с точки зрения экологии, переброска вод сибирских рек и связанное с этим ускоренное развитие агропромышленного комплекса позволят существенно расширить процесс освоения новых территорий, улучшить среду обитания человека, усовершенствовать его связи с природой.

Таким образом, переброска части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан представляет собой межрегиональную проблему, от успешного решения которой будут зависеть рост экономического потенциала Средней Азии и Казахстана в обозримой перспективе, повышение их роли в решении социально-экономических проблем, выдвинутых в Программе КПСС и решениях XXV съезда партии.

К сожалению, разработка материалов проекта переброски части стока рек идет слишком медленно. На наш взгляд, здесь сказалась известная недооценка общегосударственного значения и срочности решения данной проблемы.

До сих пор еще в некоторых газетах появляются статьи с требованиями проведения дополнительных комплексных научных исследований, выдвижением новых вариантов водозабора, с сомнениями по поводу

срочности этих мероприятий и т. д. Например, такие статьи были напечатаны в газете «Социалистическая индустрия» 16 июля 1977 г., газете «Труд» 6 декабря 1977 г. и др.

Видимо, авторы этих статей не учитывают, что исследования ведутся по программе, уже утвержденной Госкомитетом СССР по науке и технике, и недооценивают создавшееся тяжелое положение с водными ресурсами в бассейне Аральского моря.

Недавно государственная экспертная комиссия Госплана СССР одобрила подготовленные Союзводпроектком Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР Основные положения технико-экономического обоснования переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан и приняла Тургайский вариант. Теперь важно не создавать дополнительные сложности, а всемерно ускорить окончание и утверждение технико-экономического обоснования данного проекта, имеющего большое общесоюзное значение.

Г. А. АХМЕДОВ, Б. А. МИРЕНСКИЙ

ПРЕДПОСЫЛКИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ СВОДА ЗАКОНОВ СССР

XXV съезд КПСС отметил необходимость издания свода законов Советского государства в целях усиления стабильности нашего правопорядка, повышения доступности законов для всех советских граждан¹.

Ныне в стране действует до 10—12 тыс. различных нормативных актов, из них 7700 включены в действующее собрание законодательства. Не изжиты случаи, когда одни и те же вопросы регулируются несколькими противоречащими друг другу правовыми нормами. Поэтому прежде всего надо тщательно кодифицировать все отрасли права и лишь на этой основе составить Свод законов, сердцевинной которого станет новая Конституция СССР.

Как известно, советское уголовное законодательство относится к числу наиболее кодифицированных правовых отраслей. Тем не менее и в нем имеется еще ряд серьезных нерешенных проблем.

Так, со времени принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик прошел значительный срок. За это время подавляющее большинство норм было изменено или дополнено. В результате ныне действующие Основы по своей редакции намного отличаются от принятых в 1958 г. Поэтому в перспективе, видимо, встанет вопрос о принятии новых Основ уголовного законодательства или Уголовного кодекса СССР².

Кроме того, интенсивное развитие общественных отношений, крупные социальные изменения, происходящие в нашей стране, наконец, изменение характера самой преступности диктуют необходимость принятия новых основополагающих уголовно-правовых актов.

В целях дальнейшего совершенствования законодательства следует еще раз продумать, какие именно общественные отношения должны охраняться и регулироваться уголовным законом; пересмотреть степень общественной опасности тех или иных деяний; тщательно отредактировать нормы уголовного законодательства с последующей их кодификацией на высоком теоретическом уровне.

¹ См. «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 82.

² По нашему мнению, путь к принятию Уголовного кодекса СССР лежит через совершенствование и сближение норм уголовного законодательства союзных республик. Заметим, что в странах социалистического содружества с федеративным устройством (ЧССР, СФРЮ) приняты и действуют единые общесоюзные уголовные кодексы. В последние годы в уголовном законодательстве Узбекской ССР усилилась объективная тенденция к сближению с уголовным законодательством других союзных республик.

Предпосылками дальнейшего совершенствования норм уголовного права и разработки научно обоснованных рекомендаций в этой области служат зрелые социалистические общественные отношения; новые тенденции в развитии уголовной политики Советского государства; развивающаяся новая отрасль науки — уголовная социология; современный уровень теории советского уголовного права и теоретико-прикладные исследования; судебная практика и передовой опыт правоохранительных органов; правовые эксперименты; результаты теоретического, сравнительного и социологического изучения эффективности норм советского уголовного законодательства.

Идейно-политическое единство советского общества, высокий уровень производительных сил и производственных отношений, гармонически развивающаяся личность советского человека, разумное сочетание материальных и духовных потребностей делают нетерпимыми любые формы антиобщественных проявлений, требуют предупреждения и искоренения их на основе эффективных правовых норм. Зрелые социалистические общественные отношения, обеспечивающие единство личности и общества, определяют содержание советского уголовного законодательства.

Как подчеркивается в материалах XXV съезда КПСС, «чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности. Стяжательство, частнособственнические тенденции, хулиганство, бюрократизм и равнодушие к человеку противоречат самой сути нашего строя. В борьбе с подобными явлениями необходимо в полной мере использовать и мнение трудового коллектива, и критическое слово печати, и методы убеждения, и силу закона—все средства, находящиеся в нашем распоряжении»³. Такова политика Советского государства по искоренению правонарушений, т. е. уголовная политика.

В настоящее время в юридической науке формируется предмет уголовной политики, который охватывает различные стороны борьбы с преступностью, включая воздействие на причины, ее порождающие. Определяются принципы уголовной политики, неразрывно связанные с общими принципами коммунистического строительства.

В обществе развитого социализма закономерно сужение области уголовного наказания и выдвигание на первый план методов воспитания и предупреждения преступлений. Это в полной мере относится и к предупреждению вреда общественным отношениям в связи с достижениями научно-технической революции. Предупреждение опасности, которая может возникнуть из-за неправильного или неосторожного использования новых открытий и достижений, также должно стать составной частью уголовной политики.

Новые вопросы уголовного права возникают в связи со все более острыми задачами охраны природы, с последними достижениями в области атомной энергии, проникновением в космическое пространство, открытиями в области биологии, медицины (особенно хирургии)⁴.

Необходимо наметить основные направления правового, в том числе уголовно-правового, регулирования негативных явлений, вытекающих из достижений научно-технического прогресса.

Это проблемы определения уголовно-правовой ответственности за общественно опасные деяния в области охраны природы, медицинской

³ Материалы XXV съезда КПСС, с. 78.

⁴ См.: Курьяндский В. Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права.— Сборник материалов научно-практической конференции, М., 1975, с. 13.

деятельности, использования транспортных средств, механизации труда, производственной технологии и т. д.

Воздействие уголовной политики на искоренение антисоциальных явлений и пути дальнейшего совершенствования уголовного законодательства изучены еще недостаточно, ибо эти вопросы выходят за рамки уголовно-правового комплекса (криминологии, уголовного права, уголовного процесса и исправительно-трудового права). Поэтому мы предлагаем ввести в юридических вузах и высших школах МВД СССР для будущих работников правоохранительных органов межотраслевой спецкурс «Основы советской уголовной политики».

Уголовная политика служит правоформирующим фактором. В ее задачи входят отбор таких деяний, с которыми нельзя справиться без помощи уголовного закона; включение в уголовные кодексы новых норм или, наоборот, исключение из них норм об ответственности за те или иные деяния, утратившие общественно опасный характер.

В юридической литературе высказывается единодушное мнение о необходимости усилить индивидуализацию ответственности и наказания, глубже внедрять в практику ленинскую теорию о постепенной замене тюрем воспитательными учреждениями⁵.

Мы также считаем целесообразным широкое применение видов уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, пересмотр и упорядочение в уголовном законодательстве сроков лишения свободы на основе изучения эффективности наказаний, предусмотренных за конкретные виды преступлений.

В настоящее время существует слишком большой разрыв между минимальным и максимальным сроками лишения свободы. Однако индивидуализация наказания заключается не столько в большом разрыве между сроками лишения свободы, сколько в наличии альтернативных санкций, в возможности выбрать один из нескольких видов наказания, в том числе и не связанный с лишением свободы.

Правонарушителей, подвергнутых уголовному наказанию, нельзя исключить из жизни общества. Поэтому вполне правомерно предложение П. П. Осипова о том, чтобы система уголовной юстиции отчитывалась перед обществом не только за выполнение охранительной функции, но и за свой вклад в решение общесоциальной задачи повышения культурного уровня и сознательности той части населения, которая была подвергнута уголовно-правовым санкциям⁶. Такая постановка вопроса исключает применение лишения свободы к правонарушителям, чье поведение не говорит об устойчивой антисоциальной направленности личности.

Представляется, что малозначительные преступления и некоторые преступления, не представляющие большой общественной опасности, целесообразно отнести к административным проступкам⁷. Это приведет

⁵ См., напр.: Гальперин И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство.— В сб. «Основные направления борьбы с преступностью», М., 1975, с. 67; Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970, с. 174, и др.

⁶ Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976, с. 59.

⁷ За последние годы в зарубежных социалистических странах изданы законодательные акты, предусматривающие ответственность за совершение проступков. Так, в ГДР издан «Закон о борьбе с административными нарушениями», в ВНР — «Закон о правонарушениях», в СРР — «Закон об установлении и наложении взысканий за нарушения», в НРБ — «Закон об административных нарушениях и наказаниях», в ЧССР — «Закон о проступках», в ПНР — «Кодекс о проступках». Как видим, в этих странах ответственность за проступки регулируется отдельными административными законами и лишь в ПНР — Кодексом.

к изменению системы УК союзных республик и потребует проведения дополнительной кодификационной работы. В этой связи интересно суждение А. Н. Игнатова о том, что одной из форм совершенствования уголовного законодательства может служить уточнение системы Особенной части УК путем выделения новых глав и создания большей структурной четкости. В результате можно будет глубже учесть специфику отдельных преступлений, подчеркнуть значение борьбы с определенными общественно опасными деяниями, установить более четкое соотношение между конкретными составами преступления и разграничить их⁸.

В установлении пределов ответственности при совершенствовании законодательства уголовная политика опирается на уголовную социологию. Только социологические аспекты в исследовании проблем уголовного права и учет в законе результатов их изучения позволяют наполнить реальным социальным содержанием нормы уголовного закона, понятия и институты уголовного права.

Результаты теоретического, логико-юридического и сравнительного анализа норм действующего законодательства должны убедительно подкрепляться научно обоснованными выводами социологических исследований. Между тем специфика социологических исследований в области уголовного законодательства еще мало изучена; недостаточно разработана и методика исследования эффективности уголовного законодательства⁹, а сами конкретно-социологические исследования в этой области проводятся крайне неудовлетворительно¹⁰.

Большим вкладом в науку и практику правоохранительных органов могло бы стать исследование социологии ошибок в квалификации и предупреждении преступлений. Оно, несомненно, выявило бы также пробелы в уголовном законодательстве и показало, в чем нуждается практика борьбы с преступностью.

Социологическое изучение должно охватывать каждый состав преступления, предусмотренный уголовным законодательством. Это позволит теории уголовного права вносить в законодательные органы предложения о совершенствовании правовой охраны и правового регулирования общественных отношений, их потребностях в нормативном обеспечении.

Задача науки уголовного права—повысить теоретический уровень рекомендаций по совершенствованию законодательства и практики борьбы с преступностью. В этих целях в научных учреждениях разрабатываются сводные планы внедрения результатов теоретико-прикладных исследований.

Одна из задач теории советского уголовного права в настоящее время заключается в пересмотре критериев общественной опасности деяний и отнесении их к соответствующим отраслям законодательства. В частности, теория призвана выработать рекомендации относительно включения тех или иных норм в административную, исправительно-трудовую, уголовную отрасли законодательства и дальнейшего их совершенствования.

Выработанные законоположения проверяются судебной практикой, которая вносит в них те или иные коррективы. Это воздействие особенно ощутимо при неполноте нормативного решения отдельных сторон

⁸ Игнатов А. Н. Совершенствование Особенной части УК РСФСР.— «Советское государство и право», 1972, № 5, с. 75.

⁹ В этой области в 1968, 1970, 1973 и 1974—1975 гг. изданы работы Б. Никифорова, В. Кудрявцева, Н. Кузнецовой, Н. Фаткуллина, М. Ковалева и др.

¹⁰ Пока имеются лишь отдельные труды, изданные в 1968 г. (Москва), 1970 г. (Вильнюс) и др. В 1976—1977 гг. в Институте советского законодательства МЮ СССР исследовалась эффективность борьбы с бродяжничеством.

охраняемых и регулируемых правоотношений, а также коллизии уголовно-правовых норм. Поэтому нам представляется правильной точка зрения Г. Т. Ткешелнадзе, который рассматривает судебную практику как социальный источник уголовного права и передатчик социальной информации¹¹.

Судебная практика как предпосылка совершенствования советского уголовного законодательства логически дополняется опытом правоприменительных органов. Результаты передового опыта должны стать достоянием всех правотворческих органов и их вспомогательных звеньев, имеющих отношение к разработке правовых актов. Их изучение, на наш взгляд, должно осуществляться в плановом, централизованном порядке, по специальной программе.

Очень важно, чтобы на страницах ведомственных изданий Верховного Суда, Прокуратуры, МВД СССР и МВД союзных республик, кроме обобщенных аналитических материалов, публиковались проекты уголовно-правовых норм, разрабатываемых на местах, и предложения по ним. Такие предложения приобретают характер методических рекомендаций руководящих правоохранительных органов и служат серьезным подспорьем при разработке проектов уголовно-правовых актов, направленных на совершенствование законодательства.

В ряде случаев необходимо проверить действенность уголовно-правовых актов опытным путем. Между тем правовой эксперимент используется еще недостаточно. Его проведение должно получить правовую основу, т. е. компетентным органам следует издать соответствующий акт. Одновременно было бы целесообразно в законодательном порядке определить эксперимент как один из методов правотворчества и предусмотреть применение некоторых правовых актов по важнейшим общественно-политическим вопросам в экспериментальном порядке¹².

Отрадно отметить, что в правоохранительных органах эксперименты уже имеют правовую основу. В частности, ведомственным актом МВД СССР утверждена инструкция об организации и проведении экспериментов в органах внутренних дел. В соответствии с ней, в этих органах могут проводиться управленческие, тактические, экономические, социально-психологические, педагогические и смешанные эксперименты.

Правотворческим органам нужен закон о правовом эксперименте, принятие которого должно содействовать задачам совершенствования правового регулирования и укрепления социалистической законности.

При проведении эксперимента в области советского уголовного законодательства правовые нормы должны издаваться на ограниченный во времени или пространстве срок. В нашей стране для этого есть все возможности, ибо каждая союзная республика имеет свое законодательство. Для проведения правового эксперимента достаточно принять правовой акт в одной союзной республике. Важно только, чтобы экспериментальная уголовно-правовая норма не противоречила основополагающим принципам советского права.

Если такой эксперимент будет оценен положительно, он может быть завершен принятием общесоюзного уголовного закона. Причем нормы этого акта могут быть не тождественны экспериментальным, так как в

¹¹ Ткешелнадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси, 1975, с. 148.

¹² Кстати сказать, практика исполнения союзного Указа от 12 июня 1970 г. об условном осуждении с обязательным привлечением к труду послужила своеобразным правовым экспериментом, приведшим к более широкому применению наказания, не связанного с лишением свободы.

процессе проведения эксперимента возможно выявление отдельных недостатков, улучшение и уточнение редакции той или иной нормы.

В случае малоэффективности и отрицательных последствий экспериментальных норм они прекращают свое действие досрочно или по истечении принятого срока, и вновь начинают действовать прежние нормы¹³.

Судить о достижении социальной цели уголовного закона можно при изучении эффективности уголовно-правовых норм. Последняя имеет ряд аспектов. Так, в большинстве работ по вопросам эффективности уголовного закона отмечается, что уровень рецидивной преступности — важный критерий рассматриваемой проблемы. По данным выборочных исследований, число лиц, признаваемых судами особо опасными рецидивистами, составляет приблизительно до 5% всех судимых повторно или неоднократно¹⁴. Поэтому совместными усилиями правоохранительных органов и ученых должны быть разработаны меры предупреждения рецидивной преступности и уголовно-правовые нормы, обеспечивающие профилактику рецидива и усиление борьбы с ним.

П. Ф. Гришанин предлагает закрепить в законе (ст. 32 Основ) правило, согласно которому, минимальный размер наказания, назначаемого особо опасному рецидивисту, не может быть меньше половины максимального размера наказания, предусмотренного статьей, по которой рецидивист привлекается к ответственности¹⁵.

Наряду с этим, на основе изучения эффективности уголовно-правовых норм должны быть найдены новые виды наказания. Такие виды их, как ссылка (ст. 24 УК УзССР), высылка (ст. 25 УК УзССР), увольнение от должности (ст. 31 УК УзССР), общественное порицание (ст. 32 УК УзССР), применяются крайне редко и не оказывают эффективного действия на исправление и перевоспитание осужденных. Поэтому в юридической литературе высказано мнение о нецелесообразности сохранения, например, ссылки как наказания¹⁶.

Наше исследование показало, что в Узбекской ССР высылка в последние годы не применяется. Число ссыльных, состоящих на учете, ежегодно составляет считанные единицы и последовательно снижается.

То же самое можно сказать об увольнении от должности. При вступлении в законную силу приговора суда, которым виновный осужден к лишению свободы, исправительным работам не по месту работы либо иному наказанию, исключаящему возможность продолжения производственной деятельности, лицо и так увольняется с предприятия (п. 7 ст. 36 КЗоТ УзССР).

Что касается общественного порицания, то эта мера воздействия применяется общественными организациями и вряд ли должна завершать дело, по которому проводилось предварительное расследование и судебное разбирательство. Да и сама природа общественного порицания предполагает применение его общественными организациями.

За такие виды преступлений, как обман покупателей и заказчиков, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта

¹³ Подробнее о правовом эксперименте см.: Сафаров Р. А. Социальный эксперимент и проблемы государства и права.— «Советское государство и право», 1964, № 10, с. 17.

¹⁴ Советское уголовное право. Общая часть. М., 1974, с. 262.

¹⁵ Гришанин П. Ф. Ответственность рецидивистов по советскому уголовному праву. Автореферат докт. дисс. М., 1975, с. 49.

¹⁶ См. «Наказания, не связанные с лишением свободы». Под ред. Н. М. Гальперина. М., 1972, с. 48.

лицами, управляющими транспортными средствами, и некоторые другие, применяются лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 28 УК УзССР). Однако контроль за исполнением этого вида наказания, к сожалению, осуществляется не всегда. В министерствах внутренних дел и юстиции республики отсутствуют даже статистические данные такого рода.

На наш взгляд, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью имеет большое общепреventивное значение. Поэтому профилактическая служба органов внутренних дел должна вести централизованный учет и контроль лиц, осужденных к данной мере наказания.

Таким образом, представляется, что из существующей системы уголовных наказаний должны быть исключены ссылка, высылка, увольнение от должности и общественное порицание. Применение же штрафа как меры уголовного наказания (ст. 30 УК УзССР), на наш взгляд, следует расширить. Наряду с этим целесообразно использовать дополнительные профилактические меры воздействия.

Центральная проблема изучения эффективности уголовного законодательства — вопрос о критериях отбора общественно опасных деяний, подлежащих уголовно-правовому регулированию. В задачи уголовной социологии и в первую очередь — криминологии¹⁷ входит проверка правильности такого отбора. «При этом, чем малозначительнее преступление, даже при условии его большой распространенности (что, как правило, и бывает), тем весомее становятся социально-правовые основания криминализации таких деяний. Поэтому весьма осторожным должно быть решение законодателя об их наказуемости»¹⁸.

Выборочные исследования показывают, что в стадии дознания и предварительного следствия прекращается значительная часть возбужденных уголовных дел, что связано с определением расследуемого преступления как малозначительного. На этом же основании нередко происходит отказ в возбуждении уголовных дел. Между тем наши исследования показали, что отказ в возбуждении дела не всегда достаточно обоснован, а порой даже незаконен. Очевидно, при криминализации мелких и распространенных проступков особенно тщательно надо соблюдать правило: если нет оснований для реализации принципа неотвратимости наказания, не должно быть и уголовно-правовой нормы. Несоблюдение этого правила заведомо обрекает норму на низкую эффективность. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, в действующем республиканском уголовном законодательстве немало норм с низкой правовой эффективностью, что относится прежде всего к нормам о малозначительных преступлениях и о преступлениях, где субъект — несовершеннолетний либо должностное лицо. Причины состоят не только в упущениях правоприменительных органов, но и в несовершенстве конструкции уголовно-правовых норм и их недостаточной социальной обусловленности¹⁹.

Другая проблема состоит в оценке правильности санкций, предусматриваемых уголовным законом. С. Г. Банников отмечает, что порой «реформистский энтузиазм» порождает предложения об усилении мер уголовного наказания, которые ничем, кроме общих рассуждений, не

¹⁷ Курляндский В. И. Некоторые вопросы ответственности в связи с научно-техническим прогрессом. — Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права. М., 1975, с. 13.

¹⁸ Кузнецова Н. Ф. Эффективность уголовного закона и ее значение в борьбе с преступностью. — «Вестник МГУ», 1974, № 4, сер. XII, Право, с. 11.

¹⁹ Там же.

аргументированы, и их практическая ценность весьма сомнительна²⁰. В этой связи представляется весьма удачным определение М. И. Ковалевым и В. Н. Кудрявцевым основных направлений исследования деятельности мер наказания как изучение эффективности существующей системы основных и дополнительных мер наказания; их соответствия рекомендациям о наиболее рациональных критериях соотношения дополнительных и основных мер наказания по их видам и срокам; целесообразности сохранения в законодательстве мер наказания, редко применяемых на практике; исследование эффективности мер борьбы с рецидивной преступностью и т. д.²¹

Глубокое правовое и социологическое изучение этих и других вопросов, а также результатов комплексного исследования эффективности правовых норм несомненно позволит сформулировать важные научно обоснованные выводы и рекомендации по дальнейшему совершенствованию законодательства и практики борьбы с преступностью в свете программных положений партии и исторических решений XXV съезда КПСС.

Г. А. Ахмедов, Б. А. Миренский

**СССР ҚОНУНЛАРИ МАЖМУАСИНИ ТАЙЕРЛАШ МУНОСАБАТИ БИЛАН
ЖИНОЯТ ТЎҒРИСИДАГИ ҚОНУНЧИЛИКНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШ
ШАРТ-ШАРОИТЛАРИ**

Ушбу мақолада авторлар бугунги кунда СССР Қонунлари тўплами тайёрлаш муносабати билан жиноят тўғрисидаги совет қонунларини янада такомиллаштиришни таъминловчи асосий шарт-шароитлар хусусида сўз юритадилар.

²⁰ Банников С. Г. Вопросы судебной практики и задачи советского уголовного права.— В кн. «Проблемы советского уголовного права», М., 1973, с. 8.

²¹ Ковалев М. И., Кудрявцев В. Н. Комплексные криминолого-правовые исследования.— «Советское государство и право», 1975, № 1, с. 60.

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого

М. М. РАСУЛИ

О ЗНАЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА Л. Н. ТОЛСТОГО В РАЗВИТИИ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Узбекскому народу, как и всем советским людям, дороги гениальные творения классика русской литературы Льва Николаевича Толстого. Его имя стало здесь известным со второй половины прошлого столетия, вскоре после присоединения Туркестана к России, когда в край начали проникать русская литература, достижения науки и техники.

В 1887 г. в ряде номеров «Туркистон вилояти газети» был опубликован рассказ Л. Н. Толстого «Чем люди живы», явившийся одним из первых переводов произведений русской литературы на узбекский язык. Перевод, впрочем, не отличался высоким качеством, был примитивным, буквальным, зачастую смысл произведения затемнялся и даже искажался. В том же году рассказ был издан на узбекском языке отдельной книжкой, предназначенной для русско-туземных школ¹. Позднее, в 1901 г., вышло в свет его второе издание.

В упомянутой газете была напечатана также статья об авторе произведения, его жизни и творчестве². В статье Л. Толстой назывался «самым известным высокостепенным писателем страны Российской». При этом подчеркивалось, что «не только в стране Российской, но и в европейских странах нет равного ему писателя, который писал бы такие хорошие сочинения».

В 1902 г. (22 февраля и 2 марта) на страницах «Туркистон вилояти газети» был помещен перевод еще одного рассказа Л. Н. Толстого — «Бог правду видит, да не скоро скажет». Имя переводчика не указывалось. Стиль этого перевода по сравнению с первым отличался большей зрелостью и вместе с тем у них было много общего.

Редактор «Туркестанской туземной газеты» Н. П. Остроумов случайно выбрал из большого числа творений Л. Н. Толстого для перевода на узбекский язык именно эти два рассказа, ибо они написаны в духе толстовского непротивления злу насилием, нравственного самозовершенствования и религиозного правдоискательства. Мусульманское духовенство Туркестана использовало эти переводы в своих проповедях. Акад. В. В. Бартольд привел такой факт: «18 марта 1901 года в старом (XVII века) самаркандском медресе Шердор было устроено... чтение с туманными картинками, причем молодой мулла Махмуд читал: «Чем люди живы» Толстого в переводе Н. П. Остроумова ...перед аудиторией в 4000—5000 человек»³.

Популярность этих рассказов Л. Н. Толстого среди местного населения объяснялась тем, что они «при всем своем новаторстве, оригина-

¹ Одамлар нима билан тирик. Граф Лев Толстой номлик Русиянинг машхур мусаннифининг тасниф қилгон ҳикояти. Сарт тилига таржимаси. Тошкент, 1887.

² «Туркистон вилояти газети», 1899 й, 14 апрель.

³ Бартольд В. В. Собр. соч. В 12 томах. Т. II. Ч. I. М., 1963, с. 173.

нальности как-то перекликались с традиционным восточным жанром правдоучительно-философской притчи, восходящей в глубь веков — вплоть до «Сокровищницы тайн» Низами. Но традиционные притчи такого рода казались более или менее архаичными: они всегда были про другие времена и других людей; Толстой же и его многочисленные подражатели писали о том, что происходило сейчас, сегодня⁴.

Всею в дореволюционный период, по свидетельству Дж. Шарипова, на узбекский язык были переведены 32 рассказа и басни Л. Н. Толстого, вошедшие в хрестоматию для учащихся местных школ⁵. В их числе — «Слепой шел домой», «Китайская царевна Силянчи», «Как бухарцы научились разводить шелковичных червей», «Старик и смерть», «Царь и рубашка», «Как вор сам себя выдал», «Царь и сокол», «Ворон и воронята», «Садовник и сыновья», «Отец и сыновья», «Как мужик гусей делил», «Мужик и огурцы», «Мужик и водяной», «Петр I и мужик» и др.

Переводы были весьма далеки от оригинала. В них допускались отступления, вольности и различные переделки. Порой переводчик сознательно переселял героев рассказов Толстого в другую среду, окружая их реалиями быта своего народа. Иногда его толкала к этому трудность передачи национального колорита толстовских произведений, специфики образов и идиом. В результате получались не полноценные переводы, а своеобразные переложения, переработки текстов.

Рассказы и басни великого русского писателя повлияли на развитие жанров рассказа и басни в узбекской литературе. С именем Л. Толстого, как и других видных русских писателей, связано также появление в начале XX в. узбекской национальной письменной драматургии, узбекского театра европейского типа, первых драматургических произведений Абдуллы Кадыри, Абдурауфа Шахида, Гуляма Зафари и т. д.⁶

Взаимосвязь и взаимообогащение русской и узбекской литератур в дореволюционный период сдерживались условиями существовавшего тогда общественно-политического строя. Широкое знакомство узбекских читателей с произведениями классиков русской литературы стало возможным лишь с победой Великого Октября.

До революции В. И. Ленин писал: «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великим произведением действительно достойным *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот»⁷.

И действительно, с первых же лет Советской власти в Узбекистане развернулась интенсивная работа по переводу произведений Л. Н. Толстого на узбекский язык. В 1928—1929 гг. в журнале «Ер юзи», издававшемся в Ташкенте, были напечатаны «Кавказский пленник» (переводчик М. Рахман) и «Франсуаза» (переводчик С. Усмани), а в самаркандском журнале «Аланга» — отрывок из романа «Воскресение». Затем эти переводы вышли отдельными изданиями. Одновременно на узбекском языке появляются отдельными книжками рассказы «После бала» (1929), «Алеша Горшок» (1931), «Ходынка» (1932) в переводе С. Усмани, М. Джураева и др. В 1935 г. была переведена и издана пер-

⁴ Алмагмедов А. М. Азербайджанско-русские литературные связи начала XX в. (1900—1920 гг.). Автореферат докт. дисс. Баку, 1975, с. 13.

⁵ Шарипов Ж. Узбекистонда гаржима тарихидан. Революциядан олдинги давр. Тошкент, 1965, 317-бет.

⁶ Алиев С. Роль взаимосвязи литератур в становлении и развитии узбекской драматургии (первая треть XX века). Автореферат докт. дисс. Ташкент, 1972.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.

вая часть автобиографической трилогии — «Детство» (перевод Г. Юнуса).

Бурное развитие культуры узбекского народа, в том числе узбекской советской литературы, возникновение в ней крупных прозаических жанров позволили приступить к переводу монументальных произведений Толстого. Первым из них стал перевод романа «Воскресение» (1933—1934). Эта работа М. Исмаили имела много недостатков, которые призывал сам переводчик⁸.

В 1947 г. Абдулла Каххар закончил перевод первого тома романа «Война и мир». Позднее вместе с переводчицей Кибриё он перевел второй том. Третий и четвертый тома переведены Кибриё. Перевод «Войны и мира» в целом правильно воссоздает идейное содержание и многие художественные особенности романа. Вместе с тем критика отмечала в первом томе некоторые неудачные диалоги, недостаточную индивидуализацию речи персонажей, неполное воплощение национальных особенностей произведения⁹.

В 1944 г. Уйгун выполнил высокохудожественный перевод повести «Хаджи-Мурат», ранее переведенной И. Назиром. Уйгун приступил также к работе над первой частью «Анны Карениной». Полный перевод этой книги осуществил М. Исмаили. В 1960 г. Х. Ахрарова заново перевела на узбекский язык роман Л. Н. Толстого «Воскресение».

В числе творений Л. Толстого, талантливо переведенных на узбекский язык, можно назвать также автобиографическую трилогию («Детство», «Отрочество», «Юность»), «Севастопольские рассказы», повести «Казак» и «Поликушка», рассказы «Три смерти», «Хозяин и работник» и другие произведения. Многие из них неоднократно переиздавались массовыми тиражами в виде отдельных книг и сборников.

На узбекском языке вышла масса рассказов и сказок Толстого для детей. Так, в 1936 г. для юных читателей были выпущены «Рассказы о животных». Переведены также рассказы «Прыжок», «Акула», «Булька», «Два товарища» и т. д. Отдельными книжками и небольшими сборниками изданы произведения Л. Толстого, предназначенные для «Азбуки»: «Орел», «Волк и собака», «Три медведя», «Белка и волк», «Девочка и гриб», «Глупый мышонок», «Лягушка и мышь» и др.

Из драм Л. Толстого на узбекский язык переведены «Власть тьмы» и «Живой труп». Инсценировки романов «Война и мир» и «Анна Каренина» ставились на сценах русских театров Узбекистана.

В 1978—1981 гг. в республике будут осуществлены перевод и издание пятитомного собрания Л. Н. Толстого на узбекском языке. В I том включены рассказы: «Три смерти» (переводчик — М. Алиев), «Хозяин и работник» (К. Пулатов), «После бала» (Н. Алимухамедов), «За что?» (М. Осим), «Севастопольские рассказы» (Х. Ахрарова), повести «Поликушка» (Х. Ахрарова) и «Хаджи-Мурат» (Уйгун); во II — первые две книги «Войны и мира» (Абдулла Каххар и Кибриё); в III — третья и четвертая книги этой эпопеи (Кибриё); в IV том вошел роман «Анна Каренина» (М. Исмаили), а в V — «Воскресение» (Х. Ахрарова).

Осуществляя переводы произведений классической русской литературы, узбекские писатели осваивают ее неисчерпаемый художественный опыт. Так, Абдулла Каххар в своей «Автобиографии» писал: «Я окупился в реку русской литературы... После Чехова я принялся всерьез за Тол-

⁸ См.: Исмаили М. Лев Толстой в узбекских переводах.— «Звезда Востока», 1948, № 9.

⁹ Владимирова Н., Касымов С. Переводы произведений русских классиков на узбекский язык.— «Правда Востока», 1953 г., 16 декабря.

стого»¹⁰. В статье о Толстом, написанной им совместно с Гафуром Гулямом, Уйгуном, Пардой Турсуном и другими литераторами, подчеркивалось: «Если в узбекской советской литературе появились такие невиданные жанры, как повесть, роман, эпопея, то этим в большой степени мы обязаны влиянию творчества Льва Николаевича Толстого»¹¹.

Несомненно, например, влияние Л. Н. Толстого на роман А. Каххара «Огни Кошчинара» и трилогию М. Исмаилова «Фергана до рассвета».

В романах Айбека «Навои», «Священная кровь», «Ветер золотой долины», при всем их восточном своеобразии, также нельзя не заметить глубоких следов влияния Л. Н. Толстого. Как отметил В. И. Маков, «они сказались и в широте охвата исторического материала, и в обрисовке массовых сцен, и в психологических мотивировках поступков героев, и в композиции произведений, и в изобразительных средствах поэтического языка»¹².

Творчество Л. Н. Толстого оказало сильное воздействие и на поэтов Узбекистана. Так, Хамид Алимджан писал: «Узбекские художники слова учатся у Толстого художественному мастерству и четкому, глубокому реализму», ибо «творчество Толстого — словно большая река, впадающая в литературу социалистического реализма, и дно ее усеяно жемчужинами, которые всегда будут вызывать восхищение»¹³.

Хасан Пулат признавался: «Я — поэт, но многому учусь у Толстого. Описание природы у Толстого сделано замечательно, они полны настоящей поэзии. Они — образцы для меня»¹⁴.

Узбекский поэт Гайрати рассказывал: «После того, как я познакомился с творчеством Толстого, я понял: вот образец настоящей литературы. Многие я тогда передумал и решил, что кое-что в написанных мною книжках для детей надо исправить. Хочется писать так же просто, ясно, убедительно и художественно, как это мы видим у Толстого»¹⁵.

Максуд Шейхзаде в своем стихотворении «Толстой» сравнивает гениального писателя с великой, полноводной рекой, восхищается многообразием и реалистичностью его творений.

Тонкий психологический анализ, с которым мы часто встречаемся в зрелых произведениях узбекской литературы, свидетельствует о том, что нашим писателям близка творческая манера Толстого, что они активно наследуют великие традиции гиганта русской и мировой литературы.

Традиция — весьма емкое понятие. И когда речь идет о традициях одного писателя, нельзя не ощущать за ними традиций той литературы, к которой он принадлежит. Поэтому воздействие творчества Льва Николаевича Толстого на писателей народов нашей страны следует рассматривать широко — как продолжение лучших традиций всей русской классической литературы.

Растущие взаимосвязи и взаимовлияние стимулируют общий подъем всех национальных литератур Советского Союза, дальнейшее развитие и обогащение их замечательных традиций, в основании которых лежат и бессмертные художественно-эстетические ценности, созданные гением Льва Толстого.

¹⁰ Қаҳҳор Абдулла. Автобиография.— «Узбек тили ва адабиёти масалалари» журнали, 1960, № 4.

¹¹ Вдохновляющий пример творческого труда.— «Правда Востока», 1953 г., 9 сентября.

¹² Маков В. И. Л. Н. Толстой (К 150-летию со дня смерти). — «Русский язык в узбекской школе», 1960, № 5, с. 42—43.

¹³ Олимжон Хамид. Толстой ва ўзбек халқи. — «Қизил Ўзбекистон», 1938 й., 9 сентябрь.

¹⁴ «Правда Востока», 1938 г., 9 сентября.

¹⁵ Там же.

И. СУЛТОНОВ

УЗБЕКЧА АДАБИЁТ НАЗАРИЯСИ ЯРАТИШДА Л. Н. ТОЛСТОЙ ЭСТЕТИК ҚАРАШЛАРИНИНГ РОЛИ

Ижоди «бутун инсониятнинг бадний тараққиётида олға қараб босилган бир қадам» (В. И. Ленин) бўлган Л. Н. Толстой, маълумки, бадний ижоднинг вазибалари ва қонуниятлари ҳақида кўп ўйлаган, жаҳон адабиёти ва санъатининг эстетик тажрибаларини умумлаштиришга кўп меҳнат сарф этган буюк санъатқордир. Унинг самарали меҳнати натижасида юзага келган катта ва кичик асарлари, «Кундалик»ларидаги ёзувлари, турли шахсларга ёзган хатлари ҳамда махсус ёки йўл-йўлакай айтилган фикрлари улкан маънавий бойлик бўлиб, ўз даврида катта ижобий роль ўйнагани билан бирга, бугунги кунда ҳам эстетика ва адабиёт назариясининг мураккаб масалаларини ёритишда мутахассисларга обрўли манба сифатида катта ёрдам бермоқда.

Л. Толстойнинг адабиёт ва санъатга онд фикрларида бугунги фан — марксизм-ленинизм таълимоти нуқтан назаридан қабул этилиши мумкин бўлмаган моментлар бор. Масалан, адабиётда диний руҳдаги «ақлоқий асос» («нравственное начало») бўлиши лозимлиги ҳақидаги фикр — буюк ёзувчининг шундай нотўғри қарашларидан биридир. Аммо, шунини ҳам эсда тутиш керакки, бундай нотўғри қарашлар. Л. Н. Толстойнинг чуқур прогрессив ва демократик руҳ билан сўғорилган эстетик қарашлари орасида озчиликни ташкил этади. Унинг нотўғри назарларидан баъзиларининг нотўғрилиги ҳам нисбийдир. Масалан, яхши маълумки, Л. Толстой В. Шекспир ҳақида махсус асар ёзиб, унда санъаткор ижодига тарихан яқинлашмасдан, буюк драматургининг ижодига асосан нотўғри баҳо берди, унинг жаҳон маданияти тарихида тутган катта ўрнини рад этишга уринди. Аммо Л. Н. Толстойнинг шу асари ҳам адабиёт ва санъат мутахассисларининг ишига маълум даражада тузатиш киргизди: Толстойнинг «Шекспир ва драма ҳақида. Таъқидий очерк» (1903 йил) асаридан кейин фанда «Шекспир култи»га барҳам берилди, унинг ижодига юксак баҳо ўз кучини сақлагани ҳолда, ҳатто Шекспир каби улғу сиймоларнинг ижодини ҳам бирдан-бир тақлид намунаси сифатида бирёқлама баҳолаш, идеаллаштириш — ғайри илмий иш экани маълум бўлиб қолди. Совет адабиётшунослари ва адабиёт назариячилари ўз ишларида Л. Толстойнинг эстетик қарашларига кўп маротаба мурожаат этадилар. Айниқса, ўзбек адабиётшуносларининг Толстой назарий меросига кўпроқ мурожаат этиши табиийдир. Чунки, толстойча назариялар рус тилида буюк ёзувчининг ўз асарлари орқали ўқувчилар оммасига кенг маълум бўлса, бизда, ўзбеклар орасида Л. Толстойнинг эстетик қарашлари баён этилган асарлар ҳали таржима бўлиб, тарқалганича йўқ.

ЎзССР Фанлар академиясининг А. С. Пушкин номидаги Тил ва адабиёт институти нашрга тайёрлаган икки томлик «Адабиёт наза-

рияси» асарида ҳам Толстойнинг эстетик меросига кўп мартаба мурожаат этилди. Биз ушбу мақолада икки томликнинг «Адабиётнинг спецификаси» қисми мисолида Л. Толстой эстетик мероси ўзбек тилида адабиёт назарияси яратишда муаллифларга қанчалик асос бўлганини баъзи мисоллар билан кўрсатиб ўтмоқчимиз. Бундай мисолларни икки томликдангина эмас, ўзбек тилида босилиб чиққан бошқа кўпгина назарий ишларда ҳам учратиш мумкин, албатта. Умид қилиш мумкинки, вақти келиб Л. Толстой эстетик меросининг ўзбек совет маданиятида тутган ўрни ҳақида махсус асарлар ҳам яратилур.

Бадий адабиёт спецификасига оид масалаларнинг марказийси — адабиётнинг билим қуроли сифатида бошқа ақлий иш соҳаларидан (масалан, фандан) фарқли масаласидир. Адабиёт — санъатнинг бир қисми ва куринишидир. Л. Толстой адабиётнинг инсонлар орасидаги алоқа қуроли эканини (адабиётнинг коммуникатив восита эканини) тан олган ҳолда, адабиётнинг спецификаси деб унинг ҳисларни одамлардан одамларга «бера билиш» хусусиятини тушунади. Шу муносабат билан Л. Толстой адабиётнинг «таъсирдорлик» («заразительность») қобилиятига жуда катта баҳо беради.

«Адабиёт назарияси»да Л. Толстойнинг адабиётнинг шу асосий хусусияти ҳақидаги фикри «қизил ип» бўлиб ўтади.

Маълумки Г. В. Плеханов Л. Толстой фикрига тузатиш киргизиб, адабиётнинг фақат ҳисларигина эмас, балки фикрларни ҳам одамлардан одамларга юқтириши мумкинлиги ва лозимлигини айтган эди.

Шу билан бирга, Плеханов фикрлар ҳам бадий адабиётда ҳислар орқали тасвир этилишини қайд этган, аммо адабиётнинг фикрларини ифода этиш функциясига алоҳида эътибор берган эди. XX аср бошида тарихий-адабий жараёнда санъат ва адабиётнинг ғоявийлигини рад этувчи баъзи оқимлар активлик кўрсатиб турган маҳалда Плехановнинг «фикрлар ифодаси»га урғу қилиши алоҳида аҳамиятга эга. Бизнес кунларимизда, айниқса ёш миллий адабиётлар етук реализмнинг жаҳон миқёсидаги намуналари сабоқ олаётган маҳалда адабиётнинг «ҳислар ифодаси» (яъни фикрларни ҳам ифода этадиган ҳислар ифодаси) эканига кўпроқ эътибор бериш аҳамиятлироқ бўлса керак. Шу сабабли, икки томликда адабиётнинг ҳисларни одамлардан одамларга ўтказиш хусусияти ҳақидаги қондага алоҳида урғу қилинади. Бунинг натижасида адабиётнинг фикрий фаолиятнинг бошқа соҳаларидан (масалан, фандан) фарқини аниқроқ ифода этиш имконияти туғилади.

Бутун ижоди демократик руҳ билан сўғорилган Л. Толстой бадий ижоднинг кенг халқ оmmasига етиб борадиган шаклга эга бўлишига ва адабиётнинг халқ онгини баланд поғонага кўтара оладиган мазмунга эга бўлишига жуда катта аҳамият берар эди. «Мен агар ўзимга ўзим ишонсам, — шундай нарса етиштириб беришим керакки, у нарса миллион-миллион хилма-хил кишиларга наф етказсин, уларга таъсир этсин»¹ — санъаткорнинг вазифаси ва бурчини Л. Толстой ана шундай тасаввур этади. Буюк ёзувчининг бу ва шунга ўхшаш кўпгина фикрлари «Адабиёт назарияси» муаллифларига бадий адабиётнинг энг муҳим хусусиятларидан бири — оммавийлик эканлигини тасдиқ этишига имкон берди.

Оммавийлик ва соддаликни (лекин жўнликни эмас) талаб этиш — Л. Толстой учун фақат назарий қонда эмас эди. У ўз даврининг оммаларидан ажрашга интилувчи адабий оқимларига қарши актив кураш олиб борди. «Адабиёт назарияси»да Л. Толстойнинг шундай жангвор чиқишларида айtilган бир фикр ҳам келтирилган: «Бадий соҳа фан-

¹ Толстой Л. Н. О литературе. М., 1955, с. 264.

дагидан ортиқроқ аниқликни... талаб этади, ваҳоланки, нимаики декадентлик бўлса, ўшанда бу хосият йўқ»². Буюк ёзувчи «Мен ҳамма учун ёзаман», — деб фахрланар эди³.

Оммавийлик ва таъсирдорлик — санъат ва адабиёт асарларининг энг муҳим хусусиятлари экани ҳақидаги фикр — Толстой қарашларида катта ва ҳатто марказий ўрин тутади ҳамда адабиётшуносларга назариячиларга баднийликнинг асосий талаблари сифатида ана шу хусусиятларни олга суришга асос бўлади. Шунинг учун «Адабиёт назарияси» муаллифлари Л. Толстойнинг қуйидаги фикрига алоҳида урғу қиладилар: «Агар мен ёзаётган асарнинг ҳозирги болалар томонидан 20 йилча кейин ўқилишини ва уларнинг ўқиб туриб йиғлаши ва кулишини ҳамда ҳаётни севиб қолишини айтсалар, мен бу асарга бутун ҳаётимни ва ўзимнинг бор кучимни сарф этар эдим»⁴.

Адабиётнинг одамни йиғлата ва кулдира билиши, унинг ҳаётга мафтун этиб қўя олиш қобилияти, Л. Толстой фикрича, унда инсон ички дунёсининг чуқур очилишига, «руҳ диалектикаси»нинг ёрқин кўрсатилишига боғлиқдир. «Адабиёт назарияси»да Л. Толстойнинг бу фикри социалистик реализм асосчиси М. Горькийнинг адабиётнинг «инсоншунослик» вазифаси ҳақидаги фикрлари ва биринчи марксист-эстетикачи Г. В. Плехановнинг адабиётда психологизмнинг роли ҳақидаги фикрлари билан бир контекста талқин этилди.

«Адабиёт назарияси» муаллифлари умуман совет адабиётшунослигида қабул этилган асосий қондаларни тан олиш ва тарғиб қилиш билан бирга, уларни, адабиёт тарихининг конкрет материали асосида, янги қондалар билан тўлдириб боришни лозим топдилар. Шу сабабли, «Адабиётнинг спецификаси» қисмида адабиётни «образли тафаккур» эканлиги тасдиқ этилади ва кенг тушунтирилади, аммо бу билан чекланилмади. Адабиётнинг вазифаларни спецификаси, мазмуни спецификаси ва шакли спецификаси алоҳида ва батафсил равишда анализ этилди. Бундай махсус ўрганиш ва тушунтириш бадний адабиётнинг спецификасини кенг қўламда, батафсил аниқлашга ва пропаганда қилишга имкон берди.

«Адабиёт назарияси» муаллифларининг фикрича, адабиёт мазмунининг ўзига хос хусусиятлари салмоқдорлик, универсаллик ва оригиналликдир. Бу хусусиятлар ҳақидаги фикрларни асослашда Л. Толстой айтган фикрлар, бошқа мўътабар шахсларнинг фикрлари қаторида катта ўрин тутади. К. Маркс ва Ф. Энгельснинг бадний ижодда мазмунининг (шу жумладан «тенденция»нинг) ҳал этувчи роли ҳақидаги таълимоти Л. Толстойнинг ижодий практикасидагина эмас, назарий қарашларида ҳам ўз тасдиқини топади. Буюк ёзувчи адабиётда халқ тарихини ёзиш⁵ ни тарғиб этар эди. У «Уруш ва тинчлик» эпопеясида Наполеон билан урушнинг энг оғир пайтини нима учун тасвирлаганини тушунтириб, «рус халқининг характери яратилгани кўзлаб шундай қилганини айтган эди. Ҳаётнинг хилма-хил томонларини қамраб олиш ушбу «Адабиёт назарияси»да мазмунининг универсаллиги» деган шартли термин билан ифода этилди ва Л. Толстойнинг бу борадаги фикрлари ва ижодий практикаси — шундай тушунчанинг муқаррар ва қонуний эканига асос қилиб олинди.

«Ҳар қандай асар фақат у ҳаётнинг янги томонини очиб берсагина санъат асаридир», деган эди буюк ёзувчи. А. П. Чехов ўзининг «Хат» ҳикоясида Л. Толстой асарини кўзда тутиб ёзган эди: «Мен бу китоб-

² Уша асар, 592-бет.

³ Уша асар, 140-бет.

⁴ Уша асар, 100-бет.

⁵ Уша асар, 292-бет.

ни бутун кун бўйи ўқидим, мени қаттиқ ҳаяжон чулғаб олди ва мен ҳаётнинг аввал билмаганим янги элементлари қалбимнинг таг-тагидан жой олаётганини сезиб турдим. Ҳар янги саҳифани ўқиганим сари мен яна ҳам бойроқ, кучлироқ, баландроқ бўла берар эдим»⁶. Икки буюк сиймоннинг бу фикрлари «Адабиёт назарияси» муаллифларига оригиналлик — адабиёт спецификасининг муҳим томонларидан бири эканини тасдиқ этишга далил берди. Ҳақиқатан ҳам, фанда такрорга йўл қўйиш мумкин, ҳатто зарур ҳам (ҳар фанний қоида ўқувчига бундан аввалги қондалар ҳақида тасаввур бериб, уни «тайёрлагандагина», ўқувчига муваффақиятли равишда «сингдириши» мумкин), аммо бадний адабиётда такрор санъатни бойитмайди, шунинг учун бундай такрорнинг турлича шакллари турлича номлар билан қораланди (эпигонлик, плагиат ва ҳоказо). Л. Толстойнинг адабиётда такрордан қочишга чақириши — назарияда бадний адабиётни ҳаётни бадний тадқиқ этишдан иборат ўзига хос ҳодиса эканини тасдиқ этишга мадад беради. Мазмуннинг янгилigni шунчалик муҳимки, айрим вақтларда адабиётда янги ғояларни олиб кирган асарларнинг бадний жиҳатдан унчалик мукамал эмаслиги сезилмай қолади, тўғрироғи — ўқувчи бундай камчилик сезган ҳолда ҳам, уни маъзур тутади. Л. Толстойнинг бадний асар мазмунинда оригиналликнинг аҳамияти ҳақидаги фикри яна бир буюк ёзувчи томонидан ҳам тасдиқ этилади: «...Агар асар тилга олинмаган икки-уч ҳақиқатни ўз ичига олган бўлса, у ҳолда муаллиф уни ўқувчидан яширишга ҳақли эмас,— деб ёзган эди Н. Гоголь.— Икки-уч тўғри фикр учун бутун асарини номукаммаллигини кечириб юбориши мумкин»⁷.

Мазмуннинг бадний адабиётдаги ўзига хослиги ҳақида гапирганда Л. Толстойнинг санъат асарининг «таъсирдорлиги» (ёки «таъсирчанлиги»)га оид фикрлари жуда қўл келади. Буюк ёзувчининг бу ҳақидаги фикрлари универсал аҳамиятга эга. Таъсирчанлик (юқориде айтилганидек) бутун адабиётнинг хусусияти бўлганидек, унинг мазмунининг ҳам бош хусусиятидир. «Ҳақиқий санъатни сохта санъатдан ажратиб турадиган ягона аломат — санъатнинг таъсирдорлигидир»⁸. Бу фикр «Адабиёт назарияси»да қайта-қайта уқтирилади. Чунки реалистик адабиёт принципларини ҳали етарли ўрганиб улгурмаган бизнинг миллий адабиётимизда (айниқса унда ўтмишда дидактизм кучли эканини эсда тутсак) бу фикрни такрор-такрор уқтиришнинг аҳамиятчи каттадир.

Бадний асар таъсирдорлигининг сабабларидан бири унда (ҳар қандай санъат асарига бўлганидек) эстетик идеалнинг мавжудлигидир. Оноре Бальзакнинг фикрича, бадний адабиёт асари, фан асарларидан фарқли ўлароқ, «олий идеалга нитилиш» билан ажралиб туради. Л. Толстой тушунчасида эстетик идеал маълум даражада диний мазмун касб этади. Шу сабабли Л. Толстойнинг эстетик идеал ҳақидаги тушунчаларини унинг идеалистик қобуғидан ажратиб олиб, адабиёт назариясига киргизишга тўғри келди. Биз учун Л. Толстойнинг «Мен санъаткорман ва менинг ҳаётим гўзаллиқни ахтариш билан ўтади»⁹, деган фикри маъқулроқ ва ғоявий жиҳатдан равшанроқдир. «Адабиёт назарияси»да Л. Толстойнинг бу фикри Ғафур Ғулломнинг «Гўзаллик нимада» шеъри билан бир қаторда санъатнинг моҳиятини очиб берувчи фикр тариқасида келтирилади.

⁶ Чехов А. Собр. соч. в двенадцати томах, Т. 8. М., 1962, с. 476.

⁷ Гоголь Н. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 8.

⁸ Толстой Л. Н. О литературе, с. 238.

⁹ Уша асар, 126-бет.

Адабиётда тўқима (вымысел)нинг роли ҳақидаги таълимот адабиёт назариясининг муҳим компонентларидан биридир. «Адабиёт назарияси» икки томлигида тўқиманинг роли К. Яшиннинг «Иккилоб тоғи» асарининг яратилишида тарихий факт ва санъаткор фантазиясининг ўрни мисолида кўрсатилди ва Л. Толстойнинг «Уруш ва тинчлик» да нима учун ёш зодагон Андрейнинг князь Болконскийнинг ўғли «бўлиб қолгани» мисолида, бу эпопея муаллифи ўзи берган гувоҳлик орқали исбот этилди.

Л. Толстой бадий адабиётнинг ижтимоий ҳаётда ўзига хос ва жуда муҳим ўрин тутишининг сабабларини аниқлашда ҳам санъат назариясига катта ҳисса қўшган мутафаккирдир. Унинг фикрича, адабий асар ҳаётни яна ҳаётий шаклларда инъикос эттириши ва унинг қонуниятларини деталлар орқали чизиб бериши билан ўқувчини кашф этилган ҳақиқатнинг гувоҳи ва иштирокчиси қилиб қўяди. Адабий асарни ўқиганда «мен фаҳм этмайман, балки ижод этаман»¹⁰,— деб ёзиб қўяди ёзувчи ўз кундалигига. Ёзувчининг ўқувчида ана шундай таассурот қолдира олиши, яъни ўқувчини асарда кашф этилаётган ҳақиқатни ёзувчи билан бир қаторда изловчи ва топувчи қилиб қўя олишини Л. Толстой бадийликнинг асосий шарти қилиб қўяди. Унинг фикрича, «санъат асари фақат шу чоқдагина санъат асаридирки, одам уни идрок этар экан, бу гўзал асарни гўё ўзи яратгандек бўлади, шундай бўладигина эмас, балки одам, бу гўзал нарсани мен яратдим, деб қувонади»¹¹. Бу фикр ҳам «Адабиёт назарияси» муаллифлари суянган жуда муҳим фикрларидан биридир.

И. Султанов

РОЛЬ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Л. Н. ТОЛСТОГО В СОЗДАНИИ ТЕОРИИ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье, посвященной 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, говорится о влиянии эстетических воззрений великого русского писателя на формирование теории узбекской литературы.

¹⁰ Уша асар, 598-бет.

¹¹ Уша асар, 603-бет.

К 70-летию со дня рождения И. М. Муминова

М. К. НУРМУХАМЕДОВ

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

В этом году мы отмечаем семидесятилетие со дня рождения Ибрагима Муминовича Муминова — крупного советского ученого, доктора философских наук, профессора, академика и вице-президента Академии наук Узбекской ССР.

И как ученый, педагог и общественный деятель, и как человек Ибрагим Муминович оставил по себе добрую, долгую и светлую память.

Вспомним основные даты жизни и деятельности Ибрагима Муминовича.

Он родился 7 октября 1908 г. в кишлаке Тезгузар Шафирканского района, входившем до революции в состав Бухарского эмирата.

Поистине счастьем для Ибрагима Муминова — сына дехканина явилось то, что его детские годы совпали с такими историческими событиями, как свержение народом деспотического режима эмирата и провозглашение Бухары народной советской, а вскоре — социалистической республикой.

Перед любознательным и пытливым Ибрагимом Муминовым открылся желанный путь к свету, к образованию.

Он учился в начальной школе, а затем в Бухарском институте просвещения (1922—1927 гг.). С пребывания в этом Институте началась и педагогическая деятельность Ибрагима Муминовича, ибо уже в 1925 г. одновременно с продолжением учебы он становится учителем. А после окончания Института просвещения комсомолец Муминов полностью переходит на преподавательскую работу. На двухгодичных курсах в Бухаре он ведет такие предметы, как обществоведение и история классовый борьбы.

Примечательно, что его первая газетная публикация на страницах «Озод Бухара» относится к 1927 г., когда ему не было еще и двадцати лет. Это была патриотическая статья о долге комсомола в деле защиты священной земли Страны Советов от возможного нападения на нее капиталистических стран.

В 1928 г. Ибрагим Муминович был принят в Высший педагогический институт в Самарканде (впоследствии реорганизованный в Узбекскую государственную академию). В 1931 г. он окончил с отличием институт по общественно-экономическому факультету и был оставлен на преподавательской работе.

В числе других молодых ученых и педагогов Ибрагиму Муминовичу было суждено принять деятельное участие в подготовке к созданию Узбекского (ныне Самаркандского) государственного университета и по его открытии в 1933 г. он стал деканом филологического, а затем исторического факультета, заведовал (по 1941 г.) кафедрой марксизма-лени-

низма, читая лекции для студентов и аспирантов по марксистско-ленинской философии.

В 1940 г. И. М. Муминов был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза.

В 1941 г. Ибрагим Муминович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Рациональное зерно диалектики Гегеля», что свидетельствовало о сосредоточении его интересов в сфере истории философии.

3 ноября 1943 г. он стал членом-корреспондентом вновь образованной Академии наук Узбекской ССР по специальности: философия, история общественно-философской мысли в Средней Азии.

В 1950 г. состоялась защита Ибрагимом Муминовичем докторской диссертации на тему «Из истории общественно-философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX вв.». В 1955 г. он был назначен директором Института истории и археологии АН УзССР.

5 октября 1956 г. Ибрагим Муминович был избран академиком Академии наук УзССР и ее вице-президентом. На этом посту он работал до конца своей жизни — до 22 июля 1974 г.

Такова вкратце канва жизненного пути Ибрагима Муминовича, отраженная в основных датах его служебной и общественной деятельности.

Если следовать только этим датам, вероятно, было бы возможным сделать вывод, что Ибрагим Муминовичу сопутствовала счастливая судьба. И действительно. Не каждому дано начать педагогическую деятельность в шестнадцатилетнем возрасте, стать деканом факультета высшего учебного заведения в возрасте 25 лет, быть избранным в члены-корреспонденты республиканской Академии наук на 35-м году жизни и так далее.

Но суть заключалась, конечно же, не в благоприятном стечении обстоятельств, а в том, что за каждой из таких дат в жизни Ибрагима Муминовича стояли его напряженный и плодотворный труд, его страстная и глубокая преданность любимому делу, научной и педагогической деятельности, его способности и большое дарование.

Из года в год рос его авторитет, общественность справедливо видела в нем ученого и общественного деятеля, не довольствующегося достигнутым, а непрестанно стремящегося к пополнению и совершенствованию своих знаний, своего умения работать с людьми, сочетать научно-исследовательскую работу с работой педагогического и научно-организаторского характера.

Во всех этих аспектах пример жизни Ибрагима Муминовича может служить хорошим образцом для всех, кто трудится на благородном поприще советской науки.

Обратимся к деятельности Ибрагима Муминовича как ученого.

Его первые научные публикации восходят к началу 40-х годов. С тех пор и до конца своих дней неутомимо трудился Ибрагим Муминович как исследователь, по праву стяжав, с течением времени, репутацию великого ученого-философа. Его научное наследие представлено более чем 250 научными и публицистическими работами, причем многие из них печатались в московских и ленинградских изданиях, а ряд статей увидел свет в зарубежной печати. Лучшие и наиболее крупные работы вошли в содержание его трехтомных «Избранных произведений», изданных в жизни Ибрагима Муминовича и после его кончины.

Центральное место в наследии Ибрагима Муминовича занимает его работы по изучению истории общественно-философской мысли в Средней Азии, в том числе в Узбекистане, от средних веков до наших дней.

Надо подчеркнуть при этом, что Ибрагим Муминович был одним из первых ученых республики, заложивших фундамент глубокого и всестороннего изучения этой большой и важной проблемы. Именно ему, в первую очередь, ученые обязаны тем, что история передовой общественно-философской мысли в Узбекистане стала объектом пристального внимания теперь уже многих исследователей, в том числе ученых молодого поколения.

О том, как много поработал сам Ибрагим Муминович, чтобы сделать достоянием науки, народа все ценное, все прогрессивное, что сохранилось в наследии мыслителей и ученых прошлых времен, и чтобы вызвать из забвения имена лучших из них, свидетельствуют уже одни названия трудов Ибрагима Муминовича: «Развитие общественно-политической и философской мысли народов Средней Азии в эпоху феодализма», «Из истории общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX веков», «К вопросам истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане от X до XX столетия», «Выдающиеся мыслители Средней Азии», «Беруни и его социальное мировоззрение», «Абдурахман Джами как ученый-мыслитель», «Философские взгляды Мирзы Абдулкадыра Бедияля» и многие другие.

И. М. Муминов разработал научную периодизацию истории прогрессивной общественно-философской мысли народов Средней Азии с учетом социально-политических и идейно-теоретических истоков ее формирования и развития.

Ибрагима Муминовича интересовали и современные проблемы марксистско-ленинской философии, что нашло, как примеру, свое яркое отражение в таких работах И. М. Муминова, как его книги «О великой роли В. И. Ленина в развитии марксистской философии», «За глубокое изучение философского наследия В. И. Ленина» и другие.

Все сказанное выше не исчерпывает всех заслуг Ибрагима Муминовича перед развитием философской науки в Узбекистане. И. М. Муминов был и крупным организатором науки. Он приложил немало сил и труда, чтобы придать развитию науки в республике широкий размах, четкие научно-организационные формы, обеспечить подготовку кадров научных работников-философов высокой квалификации.

В мае этого года исполнилось двадцать лет со времени возникновения Института философии и права республиканской Академии наук. И здесь уместно напомнить, что именно по инициативе Ибрагима Муминовича в начале 1956 г. в составе Института истории и археологии был создан сектор философии, а уже в следующем, 1957 г. при Президиуме АН УзССР был организован Отдел философии и права, силами сотрудников которого под руководством И. М. Муминова были, в частности, подготовлены к печати и изданию полчищине известность «Ма

териалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане». Ибрагим Муминовичу принадлежала большая роль в создании открытого 1 мая 1958 г. Института философии и права АН УзССР, первым директором которого он был назначен и который был его любимым детищем.

Пост директора Института он занимал до 1960 г., когда последовало его вторичное избрание вице-президентом Академии. Но и после этого все годы, вплоть до своей кончины, Ибрагим Муминович принимал самое близкое участие в деятельности Института, продолжая неустанно заботиться о развитии философской науки в Узбекистане.

Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что Ибрагим Муминович энергично способствовал тому, чтобы Институт философии и права стал не только научно-исследовательским, но и научно-методическим центром. С именем Ибрагима Муминовича тесно связаны подготовка коллективными усилиями и издание первых такого рода учебных пособий на узбекском языке, как книги: «Вопросы диалектического материализма», «Вопросы исторического материализма», «Основы научного атеизма», «Основы марксистско-ленинской этики», «Основы марксистско-ленинской философии» и другие, выход которых в свет способствовал распространению в массах знаний по марксистско-ленинской философии и облегчал подготовку молодой научной смены в высших и других учебных заведениях республики.

И закономерно, что после смерти Ибрагима Муминовича в память о нем решением ЦК Компартии Узбекистана и Совета Министров республики Институту философии и права Академии наук УзССР было присвоено имя академика Ибрагима Муминовича Муминова.

Заслуги Ибрагима Муминовича на поприще философских знаний получили признание и за пределами республики. В 1958 г. последовало его избрание вице-президентом Советской социологической ассоциации СССР, а по созданию в апреле 1974 г. ее Среднеазиатского филиала И. М. Муминов был избран его председателем. Он был также председателем Узбекстанского филиала Всесоюзной Ассоциации истории науки и техники, членом Президиума Всесоюзного общества философов и председателем его филиала в республике.

При всем том деятельность Ибрагима Муминовича отнюдь не ограничивалась рамками служения интересам только одной отрасли знаний — философии. На посту вице-президента республиканской Академии наук с особой силой проявились его крупные организаторские способности. Это ярко сказалось в сфере развития и координации деятельности всех общественных наук в республике, что было основной функцией и задачей деятельности И. М. Муминова в качестве вице-президента Академии.

Ибрагим Муминович был одним из главных организаторов Узбекской Советской Энциклопедии и ее первым Главным редактором, и при нем вышло семь томов этой энциклопедии. Он сделал многое для организации Института археологии в Самарканде — одном из древнейших городов страны. Деятельно содействовал Ибрагим Муминович решению вопроса о строительстве здания Института востоковедения АН УзССР со специально оборудованным хранилищем богатейшего собрания восточных рукописей. Кстати сказать, Ибрагим Муминович принимал самое активное участие в организации работ по переводам на русский и узбекский языки «Канона медицинской науки» Абу Али ибн Сины, трудов Абу Райхана Беруни, как «Памятники минувших поколений», «Индия», «Геодезия», «Фармакогнозия», и других творений классиков науки и мысли Востока.

С 1957 г. и по день кончины Ибрагим Муминович был бессменным редактором журнала «Общественные науки в Узбекистане» (быв. «Известия АН УзССР. Серия общественных наук»).

Ибрагим Муминович известен и как редактор обширного ряда коллективных и индивидуальных работ ученых Узбекистана — историков и философов, в частности, таких капитальных изданий, как четырехтомная «История Узбекской ССР», трехтомная «История рабочего класса Узбекской ССР», двухтомная «История Самарканда», «История Бухары», «История Хорезма», двухтомные «Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук в Узбекистане» и многих других.

И. М. Муминов был участником (и в ряде случаев возглавлял делегации Узбекской ССР) многих республиканских, всесоюзных и международных научных симпозиумов и конференций, выезжал в зарубежные научные командировки, активно пропагандируя в ряде стран достижения советской науки. Он выступал с лекциями об успехах социалистического и коммунистического строительства в Советском Узбекистане в Венгрии, Чехословакии, Пакистане, Италии, Греции и других странах мира. Его книга «40 лет Советского Узбекистана», опубликованная массовым тиражом в Москве, знакомила широкий круг читателей с экономической, культурной и научной жизнью нашей республики.

На протяжении 16 лет (с 1958 г. и по день смерти) Ибрагим Муминович возглавлял в качестве председателя Правления Общества «Знание» Узбекской ССР. В том, что за эти годы Общество завоевало еще больший авторитет и популярность среди трудящихся республики и стало одним из крупнейших в Союзе, заключена и немалая доля труда Ибрагима Муминовича. Не случайно его имя как крупного организатора пропаганды научных и политических знаний занесено в «Книгу Почета» Всесоюзного Общества «Знание».

Одно из важнейших дел своей жизни сам Ибрагим Муминович видел в развертывании работы по подготовке кадров молодых деятелей общественных наук в республике. Вопросы организации аспирантуры, работы с молодыми учеными и продвижения их на научном поприще, защиты кандидатских и докторских диссертаций постоянно находились в центре его внимания. Примечателен факт, что под научным руководством И. М. Муминова было защищено свыше 90 кандидатских и более 20 докторских диссертаций. Десятки его учеников возглавляют ныне высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, кафедры, отделы, секторы научных учреждений, являются ответственными сотрудниками партийных и государственных учреждений Узбекистана и других республик Средней Азии.

Партия, правительство, научная и широкая советская общественность по достоинству высоко оценили многогранную и успешную деятельность Ибрагима Муминовича Муминова. Он был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», рядом медалей, удостоен нескольких Почетных грамот Президиума Верховного Совета УзССР.

В 1967 г. И. М. Муминову была присуждена Государственная премия УзССР имени Абу Райхана Беруни за коллективный труд «История рабочего класса Узбекистана». В 1959 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР. Неоднократно избирался он депутатом Верховного Совета Узбекской ССР и членом ЦК Компартии Узбекистана. Его именем ныне названы, помимо Института философии и права, улица и школа.

Неугомонный труженик Ибрагим Муминович Муминов работал буквально до последних дней своей жизни.

В некрологе покойного, подписанном видными общественными деятелями и учеными Узбекистана, констатировалась известность И. М. Муминова «как крупного ученого широкого диапазона, глубокого знатока истории общественно-философской мысли, культуры народов Средней Азии... Ушел из жизни,— гласил некролог,— крупный ученый, коммунист, горячий патриот нашей Родины, пламенный пропагандист марксистско-ленинских идей, посветивший всю свою жизнь служению советскому народу».

Таким и останется Ибрагим Муминович Муминов в истории науки и в благодарной памяти всех, кто знал его, общался и работал с ним.

М. К. Нурмухамедов

ОЛИМ, ПЕДАГОГ, ФАН ТАШКИЛОТЧИСИ

ЎзССР ФА академиги И. М. Мўминов туғилган куннинг 70 йиллигига бағишланган мақолада атоқли совет олими, педагог, фан ташкилотчиси ва жамоат арбобининг серқирра ҳаёти ва ижодий фаолиятидаги асосий босқичлар тўғрисида ҳикоя қилинади.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

КЛАССИЧЕСКАЯ СТАТИСТИЧЕСКАЯ ФИЗИКА И ПРОБЛЕМА СЛУЧАЙНОСТИ

История становления классической статистической механики свидетельствует, что идеи вероятности всегда сопровождали и обуславливали разработку ее основных идей и методов. Вероятность внутренне связана с пониманием категории случайности. Именно определенное толкование случайности послужило категориальной основой при философском осмыслении вероятностных представлений, выяснении природы статистических методов. Одновременно возник вопрос и об обратных связях — как влияет разработка идей и методов теории вероятности на само понимание случайности¹.

Классическая механика стала первой фундаментальной физической теорией. Ее построение было завершено Ньютоном в XVII в.

Закономерности классической механики — динамического, жестко детерминированного типа. В соответствии с ними, положение каждого атома в системе, его движение и изменение состояния определены однозначным образом. Все связи рассматриваются как необходимые. Никаких градаций в природе связей нет.

Точка зрения о жестких взаимосвязях между атомами нашла яркое выражение в трудах Лапласа, который утверждал: «Все явления, даже те, которые по своей незначительности как-будто не зависят от великих законов природы, являются следствием, столь же неизбежным этих законов, как обращение Солнца. Таким образом, мы должны рассматривать настоящее Вселенной как следствие ее предыдущего состояния и как причину последующего»².

Итак, лапласовский детерминизм абсолютизировал необходимость и отрицал объективность случайности, рассматривая ее лишь как следствие неполноты наших знаний. Ф. Энгельс подверг эти воззрения критике с позиций диалектики³. Он писал: «...Случайность — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью. В природе, где также как-будто господствует случайность, мы давно уже установили в каждой отдельной области внутреннюю необходимость и закономерность, которые пробивают себе дорогу в рамках этой случайности»⁴.

Ф. Энгельс подчеркивал, что случайное объективно существует в природе и играет важную роль в ее познании.

Эти положения встретили сопротивление со стороны многих буржуазных ученых и философов. Особенно сильную оппозицию диалектической трактовка природы случайности вызвала со стороны позитивистов и ученых, находящихся под влиянием позитивизма. В частности, определенное влияние в этот период имел эмпиризм английского логика Д. С. Милля, который, исходя из первичности чувственных восприятий, отождествлял вероятность с наблюдаемой частотой и полностью исключал анализ условий, в которых происходит само случайное событие.

Работы Д. С. Милля и его последователей: К. Пирсона и Р. Мизеса — приводили к субъективно-идеалистическому объяснению статистических закономерностей. Однако под влиянием потребностей естественно-научного знания и практики ученые

¹ Данная проблема широко обсуждается в работах, посвященных методологическим проблемам физики: Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М., 1959; Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971; Смолуховский М. О понятии случайности и происхождении законов вероятности в физике. — «Успехи физических наук», т. VII, вып. 6, М., 1972; Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963; Сачков Ю. В. Введение в вероятностный мир. М., 1971, в др.

² Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908, с. 8.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 533—534.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 174.

постепенно пришли к необходимости материалистического понимания природы статистических закономерностей. Так, разработка классической электродинамики привела к представлениям о новой форме материи — поле, имеющем непрерывную природу. Эти представления необязательны с точки зрения классической механики, которая признавала только вещество и пустоту. Однако идея непрерывности не поколебала сам принцип жесткой детерминации: концепция поля еще не приводила к признанию объективного характера случайности.

Со второй половины XIX в. начинается изучение «закономерностей случайного», тогда как предыдущий период в физике можно назвать изучением «закономерностей необходимого». С новой формой закономерности в природе, органически включающей и элемент случайности, физики столкнулись при исследовании тепловых явлений в газах, которые и привели к созданию статистической физики. В отличие от классической механики, в статистической физике требовалось не решение большого числа уравнений, а получение иной информации (определение средних значений и т. д.), что и привело к новым представлениям. В этой связи Дж. К. Максвелл писал: «Распределяя молекулы по группам, согласно их скоростям, мы можем заменить невыполнимую задачу наблюдения всех столкновений отдельной молекулы регистрацией увеличения или уменьшения числа молекул в различных группах».

Следуя этому методу — единственно возможному как с точки зрения экспериментальной, так и математической, — мы переходим от строго динамических методов к теории вероятностей⁵.

Применение вероятности в физических исследованиях имеет принципиальный характер и основывается, по сути дела, на новой картине мира. Однако первоначально даже некоторые основатели статистических методов считали, что статистические законы «введены либо из-за удобства, либо потому, что отсутствует достаточное знание для описания ситуации детерминистическим путем»⁶.

Статистические методы долгое время рассматривались как вспомогательные, временные. Роль случайности традиционно связывалась с позицией, знаниями субъекта. Она входила в теоретическую физику как временная часть, которая рано или поздно должна обязательно исчезнуть из теоретических представлений. Такой подход, естественно, не мог стимулировать выяснения действительной роли случайного.

Со временем стали появляться работы, авторы которых осуществляли принципиально иной подход к природе объектов классической статистической механики. Так, польский физик М. Смолуховский писал: «Совершенно ясно, что, поскольку дело касается применения в теоретической физике, все теории вероятностей, которые рассматривают случайность как непознанную частную причину, должны быть заранее признаны неудовлетворительными. Физическая вероятность события может зависеть только от условий, влияющих на его появление, а не от степени наших знаний»⁷.

Утверждение статистической механики, ее методов исследования привело к признанию самостоятельной ценности случайности, наличия у нее объективного содержания. Встал также вопрос о связи случайности с другими категориями.

Категория случайности отражает наличие в процессах материальной действительности различных по своей внутренней природе связей. В определенном смысле она противостоит необходимости, ибо отражает факт объективного существования двух видов связей.

Научное знание XX в. немисливо без изучения массовых случайных явлений. Этим непосредственно занимается специальная отрасль математической науки — теория вероятностей.

В систематическом курсе Б. В. Гнеденко случайными называются такие процессы, явления, события, которые могут произойти, а могут и не произойти при реализации комплекса условий⁸. Согласно другому определению, «понятие случайности используется для выявления специфики этого массового явления и означает, что при переходе от одного явления к другому варьируемые характеристики отдельных явлений изменяют свои значения независимым образом, то есть значения характеристик одного явления существенно не зависят от значений этой характеристики у других явлений и не определяются ими»⁹.

Так, основным признаком газов служит случайность хаотичного движения их молекул. Состояние каждой из них случайно по отношению к характеристикам движения других молекул. Однако совокупность их движения подчиняется определенным законам. Основной ее признак — устойчивость средних значений. При этом априори предполагается, что случайное, хаотичное движение отдельной молекулы является необходимым по отношению к более глубоким и сложным внутренним и внешним

⁵ Максвелл Дж. К. Речи и статьи. М.—Л., 1940, с. 115.

⁶ Карнап Р. Философские основания физики, с. 364—365.

⁷ Смолуховский М. О понятии случайности..., с. 131.

⁸ Гнеденко Б. В. Курс теории вероятностей. М., 1969, с. 14.

⁹ Веденов М. Ф., Сачков Ю. В. Проблема стилей мышления в естествознании. М., 1971, с. 14.

связям. Связи микроуровня случайны, неоднозначны, а связи на макроуровне — несомнимы и однозначны.

Следует отметить, что во второй половине XIX — начале XX в. идеи статистики, как и атомизма, стали ареной борьбы между различными философскими направлениями. Стронники атомизма и необходимости статистических законов в науке (М. Планк, Л. Больцман и др.) использовали результаты исследований в этой области для борьбы против энергетизма (В. Оствальд) и эмпириокритицизма (Э. Мах, Д. Юм).

Вхождение вероятности в физические исследования имеет принципиальный характер и основывается по существу на новом стиле мышления. Но принципиально новый сущностный характер подобного шага был осознан позднее, в период создания квантовой механики.

История развития современной физики убедительно показывает, что только диалектическая трактовка категории случайности служит методологической основой правильного понимания природы статистических закономерностей, что способствует развитию подлинно научных воззрений на сущность и характер физических явлений.

Д. Абдихаликов, Б. Дурдыев

О ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УзССР В 1966—1970 ГОДАХ

В материалах июльского (1978) Пленума ЦК КПСС подчеркивается, что на основе осуществления современной аграрной политики КПСС происходит неуклонный подъем производительных сил сельского хозяйства страны. Успех дела здесь, как и в любой сфере жизни общества, во многом зависит от кадров, их умения, опыта, знания, организаторских способностей, творческой инициативы.

В. И. Ленин неоднократно отмечал прямую зависимость успехов советского общества на каждом этапе его развития от решения проблемы кадров. Он писал, что государство «должно поставить широко, планомерно, систематично и открыто дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба»¹.

Большая работа по укреплению сельского хозяйства страны квалифицированными кадрами была проделана партией и правительством уже в годы восьмой пятилетки (1966—1970).

В Отчетном докладе ЦК XXIII съезду КПСС Л. И. Брежнев особо обратил внимание на то, что выполнение намеченных партией планов в области сельского хозяйства будет «зависеть от творческой инициативы и энергии сельских тружеников, от правильной организации труда, от уровня работы руководителей колхозов и совхозов, агрономов, зоотехников, инженеров-механизаторов, экономистов»².

Руководствуясь решениями XXIII съезда КПСС и XVII съезда Компартии Узбекистана, партийные организации нашей республики стремились обеспечить все участки сельскохозяйственного производства способными руководителями и специалистами, постоянно заботясь о повышении их идейно-теоретического уровня и деловой квалификации. Много внимания уделялось также кадрам массовых профессий.

В подготовке специалистов высшей и средней квалификации большую роль сыграли действующие в Узбекистане 4 вуза и 34 техникума сельскохозяйственного профиля.

В 1965 г. в вузах УзССР было подготовлено 1796, в средних специальных учебных заведениях — 3463 специалиста сельского хозяйства, а в 1970 г. — соответственно 3686 и 7019 человек. Всего за годы восьмой пятилетки вузами сельскохозяйственного профиля в республике было выпущено 10 965, а техникумами — 29 091 специалист³.

При Ташкентском сельскохозяйственном институте функционировал факультет повышения квалификации руководящих работников и специалистов сельскохозяйственного производства. В годы восьмой пятилетки его окончили свыше 4 тыс. руководителей и специалистов колхозов и совхозов Узбекистана.

Аналогичная работа проводилась в Андижанском институте хлопководства, Самаркандском сельхозинституте, многих техникумах и т. д. В частности, в Самаркандском сельхозинституте на этом факультете в 1963—1973 гг. прошли переподготовку 2966 руководителей и специалистов колхозов и совхозов⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 280.

² XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 28 марта 1966 г. — 8 апреля 1966 г. Стенографический отчет. Т. I, М., 1966, с. 68—69.

³ Узбекистан за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.). Краткий статистический сборник. Ташкент, 1971, с. 81.

⁴ «Сельское хозяйство Узбекистана», 1973, № 10, с. 25; Партархив Ташкентского ОК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 214, л. 2.

Важный источник исполнения сельского хозяйства подготовленными кадрами представляют сельские средние общеобразовательные школы, число которых с каждым годом увеличивается. Так, в 1965—1975 гг. в Узбекистане были построены новые школы на 1 млн. 245 тыс. мест, из них на 634 тыс. мест — за счет средств колхозов⁵.

К 1970 г. большой размах на селе приобрело обучение учащихся старших классов работе на сельскохозяйственных машинах. Это позволило дополнительно подготовить около 3,4 тыс. механизаторов⁶.

Основным каналом подготовки квалифицированных массовых кадров для села служат сельские профессионально-технические училища (СПТУ).

В 1968 г. в республике насчитывалось 37 СПТУ, где обучалось 19 тыс. человек. Училища готовили механизаторов широкого профиля, квалифицированных лесоводов, пчеловодов, токарей, электриков, мастеров машинного доения, операторов-птицеводов и др.

Только за 1966—1968 гг. СПТУ Узбекистана выпустили 42 тыс. специалистов для сельского хозяйства. К концу 1969 г. в колхозы и совхозы республики было направлено 10 тыс. трактористов, около 2 тыс. механиков-водители хлопкоборочных машин, 35 тыс. механизаторов мелиоративных работ и около 4 тыс. работников для других отраслей сельского хозяйства, прошедших курс обучения в СПТУ и непосредственно на производстве⁷.

В 1967—1969 гг. в СПТУ, на курсах и в районных отделениях «Узсельхозтехники» было подготовлено 80,6 тыс. работников массовой квалификации⁸.

На базе многих СПТУ республики были созданы курсы повышения квалификации молодых хлопкоробов. Так, интересен опыт работы СПТУ № 15 им. Ахматя Икрамова Пскентского района, созданного в 1962 г. на базе совхоза «Пскент-1». За 1962—1970 гг. училище выпустило около 6,5 тыс. трактористов-машинистов широкого профиля, слесарей, механиков-водителей хлопкоборочных машин. По инициативе Ташкентского ОК КПУЗ, с 1966 г. на базе крупных хозяйств области были открыты филиалы этого СПТУ.

Много внимания уделялось обучению девушек местной национальности. Так, филиал указанного училища, организованный при колхозе «Полярная Звезда», только для одного Среднечирчикского района за пять лет подготовил более 400 девушек-механизаторов⁹.

О росте женских механизаторских кадров в республике в годы восьмой пятилетки позволяют судить следующие данные. Если в 1965 г. в механизированной уборке хлопка принимали участие 202, то в 1966 г. — 430, в 1967 г. — 483, в 1968 г. — около 900 женщин-механизаторов¹⁰.

Партийные и комсомольские организации колхозов и совхозов республики использовали различные формы обучения сельских кадров. Так, в Каттакурганском районе Самаркандской области при передовой бригаде Шахри Рахматовой из колхоза им. Крупской были созданы женские курсы подготовки руководителей бригад. Только за 1966—1968 гг. 35 их выпускников успешно возглавили бригады и звенья и добились высоких урожаев хлопка-сырца. Такая же школа была открыта и в Бозском районе, на базе передового колхоза им. XXII партсъезда. Ее возглавил знатный хлопкороб Маннап Джалалов.

В исследуемый период в республике сложилась добрая традиция, согласно которой опытные мастера высоких урожаев брали шефство над молодыми. Партийные организации всячески поддерживали почин ветеранов, пропагандировали его через печать, радио и телевидение. Особое значение они придавали участию ветеранов в работе школ передового опыта. Так, с ценным починным выступила Анархан Эргашева из колхоза им. Ленина Палского района Наманганской области. Она предложила, чтобы каждый механизатор помог не менее, чем пяти новичкам, в короткий срок овладеть специальностью тракториста или механика-водителя хлопкоборочных машин. Сама А. Эргашева и ее подруги взяли шефство над старшеклассниками нескольких школ района. В результате только в 1970 г. они помогли 30 девушкам стать водителями тракторов и хлопкоборочных машин¹¹.

Повсеместно росли механизаторские кадры сельского хозяйства. Так, в колхозах Ферганской области в 1968 г. на 100 пахотных тракторов имелось 104 тракториста¹²,

⁵ Коммунистическое воспитание трудящихся и вопросы повышения культуры сельского быта. Ташкент, 1975, с. 18.

⁶ «Сельское хозяйство Узбекистана», 1970, № 5, с. 62.

⁷ «Сельское хозяйство Узбекистана», 1969, № 6, с. 33.

⁸ «Сельское хозяйство Узбекистана», 1970, № 5, с. 62.

⁹ Мухамедрахимова Ж. Молодежь и прогресс в хлопководстве. Ташкент, 1974, с. 40.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 10, л. 4050, л. 50.

¹¹ «Наманганская правда», 1970 г., 10 декабря.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 10, л. 4050, л. 41.

на 100 пропашных — 100 трактористов¹³, на 100 тракторов прочих марок — 95 водителей¹⁴.

В подготовке и воспитании механизаторских кадров большую роль сыграл комсомол республики. С обращением к сельской молодежи Узбекистана выступили участники республиканского слета молодых механизаторов-хлопкоробов: «Каждый участник слета берет шефство над тремя молодыми механизаторами. Следуйте нашему примеру, прославленные гвардейцы полей!» Обращение нашло горячий отклик у молодых механизаторов. В 1968 г. при активном участии комсомольских организаций села было подготовлено и переподготовлено 4900 механизаторов, а в 1970 г. — 50 600¹⁵.

В целом по республике за годы восьмой пятилетки техникумы и СПТУ подготовили для сельскохозяйственного производства свыше 100 тыс. работников массовых профессий. Если в 1965/66 учебном году было подготовлено 23,6 тыс. человек, то в 1970 г. — 28 тыс.¹⁶

Таким образом, в годы восьмой пятилетки была проведена большая работа по укреплению сельского хозяйства республики кадрами. Меры, принятые партийными организациями Узбекистана в этом направлении, содействовали дальнейшему подъему хлопководства и других отраслей колхозно-совхозного производства республики.

С. Мавлябегова

¹³ Там же.

¹⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 272, д. 639, л. 77.

¹⁵ «Комсомолец Узбекистана», 1971 г., 7 марта.

¹⁶ Народное хозяйство УзССР в 1970 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1971, с. 263.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЛУБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАРАКАЛПАКИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев с новой силой подчеркнул значимость в условиях развитого социализма вопросов идейного воспитания людей, формирования нового человека — активного, сознательного строителя коммунизма. В практическом решении этих проблем большую роль играют культурно-просветительные учреждения. С каждым годом расширяется их сеть, улучшается материальная база, растут кадры, совершенствуются формы и методы работы с массами. Это можно проиллюстрировать на примере Узбекистана, в частности на развитии клубных учреждений Каракалпакской АССР.

Если в 1961 г. в КК АССР насчитывалось 227 учреждений клубного типа¹, то в 1960 г. — 246, в 1975 г. — 255, а в 1976 г. — 261².

Одновременно с общим количественным ростом клубных учреждений происходят важные качественные сдвиги в их структуре. Так, интенсивно развивается сеть районных (в 1961 г. — 8, в 1975 г. — 15) и городских (в 1964 г. — 10, в 1975 г. — 15) домов культуры.

Значительные изменения произошли в клубной работе на селе. Например, число сельских клубов расширилось с 21 в 1964 г. до 62 в 1975 г. Появился новый вид культурно-просветительных учреждений — сельские дома культуры. К 1975 г. в КК АССР их было уже 25. Одновременно исчезают избыточные.

В автономной республике начинают появляться и специализированные клубные учреждения. Так, в 1975 г. здесь функционировали 34 самостоятельных автклуба³.

Партийные и советские органы проявляют неустанную заботу о дальнейшем развитии культурно-просветительной работы. Эти вопросы регулярно обсуждаются директивными органами. Им уделено серьезное внимание в решениях съездов Компартии Узбекистана, отметивших необходимость всемерного укрепления материальной базы культурно-просветительных учреждений, строительства новых объектов.

Согласно постановлению коллегии Министерства культуры Каракалпакской АССР, только за 1963—1965 гг. в автономной республике было построено 68 новых культпросветучреждений⁴, в том числе сельские клубы и дома культуры в Чим-

¹ Узбекистан за 7 лет (1959—1965 гг.). Краткий статистический сборник. Ташкент, 1966, с. 154.

² Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти. Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1977, с. 296.

³ ЦГА УзССР, ф. P-173, оп. 1а, л. 114, л. 168; текущий архив Министерства культуры КК АССР. Годовой отчет Республиканского дома народного творчества (РДНТ) Каракалпакской АССР за 1975 г., с. 3.

⁴ ЦГА УзССР, ф. P-173, оп. 1а, л. 293, л. 69.

байском, Кунградском, Ходжейлийском, Берунийском районах⁵. В 1967—1970 гг. были сданы еще 42 объекта, из них 24— в сельской местности⁶.

Дальнейшему подъему культуры на селе способствовало и широкое культурно-бытовое строительство, осуществляемое силами самих колхозов и совхозов. Так, в 1967—1970 гг. на их средства было создано более 50 клубно-библиотечных учреждений⁷.

Данный процесс получил еще большее развитие в годы девятой пятилетки. В этот период возникли десятки новых клубов и библиотек, значительно укрепилась их материальная база⁸.

Партийные и советские органы уделяют также большое внимание подбору кадров работников клубных учреждений. Неуклонно совершенствуется система их подготовки и повышения квалификации. При Министерстве культуры СССР, УзССР и КК АССР постоянно действуют месячные курсы-семинары.

Важную роль играет направление молодежи в институты культуры и другие специальные учебные заведения. Ныне в Ленинграде, Москве, Ташкенте, Алма-Ате и Чимкенте в них обучаются 198 каракалпакских юношей и девушек. Только в 1975 г. туда были направлены 173 человека против 38 в 1970 г.⁹ В 1970 г. открылся культурно-просветительский техникум в Нукусе, готовящий кадры для автономной республике, а также для Хорезмской и Ташаузской областей. В нем функционируют отделения: дирижерско-хоровое, народных инструментов, художественно-оформительское, библиотечное. Выпускники техникума уже успешно трудятся во многих районах Каракалпакии.

С ростом общекультурного уровня народа, расширением сети культурно-просветительских учреждений, повышением их роли в политическом и культурном воспитании трудящихся ширится размах и совершенствуются формы работы с массами.

Если в 1970 г. клубными учреждениями КК АССР были проведены 11 504 культурно-массовых мероприятия с охватом 1 016 700 человек¹⁰, то в 1975 г. — 18 906 с охватом 1 542 068 участников¹¹.

Клубные учреждения ведут широкую пропаганду произведений классиков марксизма-ленинизма, важнейших партийных документов, решений партии и правительства. Так, в 1975—1976 гг. работниками клубных учреждений автономной республики были прочитаны сотни лекций и докладов на такие темы, как: «В. И. Ленин — основоположник КПСС», «Классовый, интернациональный характер миролюбивой политики КПСС», «Построение коммунизма в СССР — великая интернациональная задача КПСС и советского народа», «Социальные права советских людей», «Благо народа — высшая цель партии», «50 лет ленинским курсом», «Внешняя политика КПСС» и т. д.

В культурно-просветительской работе в массах большую роль играют действующие при клубных учреждениях университеты культуры, кружки, ансамбли, любительские киностудии, организация диспутов, вечеров вопросов и ответов, встреч с деятелями культуры и т. д. Так, в клубах и домах культуры Турткульского, Чимбайского, Ходжейлийского районов, г. Нукуса проводятся интересные тематические вечера, лекции, встречи с ветеранами труда, старыми коммунистами и т. д. В сельском Доме культуры Ахунбабаевского аулсовета Турткульского района была прочитана лекция «Техника — могучая сила», сопровождавшаяся книжной выставкой «Вам, механизаторы». Кроме того, была подготовлена экспозиция новых видов тракторов и ирригационной техники, а также показано несколько хроникально-документальных фильмов¹².

При клубе Кегейлийского районного Дома культуры регулярно проводятся увлекательные встречи трудящихся с учеными, передовиками производства.

Любимым местом отдыха членов колхоза «Коммунизм» Муфаканского района стал сельский клуб. Здесь всегда многолюдно, потому что работники клуба, опираясь на общечеловеческие, готовят каждое мероприятие продуманно, интересно, «с огоньком».

Коллектив Кунградского районного Дома культуры за активное участие в агитационной и культурно-массовой работе на селе награжден дипломом III степени Министерства культуры Узбекистана¹³.

В клубах и домах культуры Каракалпакии широко пропагандируются достижения литературы и искусства. Так, клубные учреждения Турткульского района с по-

⁵ Там же, д. 322, л. 99.

⁶ История Каракалпакской АССР. Т. II. Ташкент, 1974, с. 213.

⁷ Текущий архив Министерства культуры КК АССР. Отчет за 1972 г., с. 38.

⁸ «Советская Каракалпакия», 1975 г., 28 июня.

⁹ Текущий архив Министерства культуры КК АССР, 1976, с. 32.

¹⁰ Текущий архив Министерства культуры УзССР, оп. 2, д. 2028, л. 21.

¹¹ Текущий архив Министерства культуры КК АССР. Годовой отчет РДНТ за 1975 г., с. 3.

¹² Текущий архив Министерства культуры КК АССР. Стчет РДНТ КК АССР за 1971 г., с. 6.

¹³ «Советская Каракалпакия», 1975 г., 11 июля.

мощью преподавателей средних школ организовали лекции: «Хамза — основоположник узбекской советской литературы», «Современные образы в узбекской литературе», «О драматургии Камиля Яшеная», «Образ женщины в творчестве Зульфии» и т. д. В клубе интернациональной дружбы колхоза им. Ленина Ходжейлийского района стали традицией встречи колхозников с деятелями литературы и искусства, приезжающими в автономную республику из Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Алма-Аты, Ташкента и других городов.

В клубных учреждениях КК АССР в последние годы приобрели популярность такие формы работы, как фестивали, конкурсы, смотры. Так, эстетическое воспитание девушек во многом способствуют ежегодно проводимые вечера «Кизлар давраси», на которых обсуждаются волнующие молодежь вопросы.

На развитие самостоятельного творчества тружеников села большое влияние оказывает межколхозный конкурс «Зехи». В 1975 г. в нем участвовали 14 колхозов с охватом 784 юношей и девушек¹⁴. Всего в автономной республике было проведено 7 смотров и конкурсов («Тез», «Праздник искусства», «Гумша», «Состязание талантов» и др.), в которых приняли участие более 40 тыс. зрителей.

Из года в год возрастала массовость этих мероприятий. Если в 1970 г. в таких смотрах участвовало всего 3700 человек, то в 1975 г. в одном лишь конкурсе-смотре военно-патриотической песни, посвященном 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, приняли участие свыше 5 тыс., а в «Празднике песни» — более 6 тыс. человек. Победители этого смотра выступили в Ташкенте, где заняли второе место по Узбекистану¹⁵.

Проведение различных фестивалей, смотров, конкурсов способствовало развитию самостоятельного искусства. Если в 1960 г. в Каракалпакии насчитывалось 194 коллектива художественной самостоятельности, где участвовали 5000 юношей и девушек¹⁶, то в 1975 г. — 458 с охватом 8577 человек¹⁷.

Растут исполнительское мастерство самостоятельных коллективов и их популярность у зрителей.

В 1963 г. художественными коллективами, созданными при клубных учреждениях, были поставлены 457 концертов и спектаклей с охватом 393 911 зрителя¹⁸, а в 1975 г. — 3871, где присутствовало 434 483 человека¹⁹.

В КК АССР созданы интересные творческие коллективы: хоровые — в Нукусском педагогическом институте им. Т. Г. Шевченко и музыкально-хореографическом училище им. Ж. Шамуратова; эстрадный — при стройтресте № 166; ансамбли дутаристок — в совхозах «Шуманай» и им. 40-летия Узбекистана Берунийского района; балетная студия при клубе ремзавода Тахнаташа²⁰. Большую известность приобрели ансамбль вокалистов «Ак алтын» колхоза им. А. М. Горького Турткульского района²¹ и ансамбль дутаристок «Ак ерке» Кызылкалинского сельского Дома культуры Берунийского района²².

Если, например, в 1964 г. в КК АССР работали 3 народных театра и ансамбля²³, то в 1970 г. — уже 5 народных театров, 3 народных ансамбля и т. д.²⁴

Большой популярностью в Каракалпакии и далеко за ее пределами пользуется лауреат премии Ленинского комсомола ансамбль «Кырк-кыз», созданный при Нукусском Доме культуры № 1. Им руководит заслуженный деятель искусств Каракалпакистана Сония Мухаммадинова. Ансамбль успешно выступал на телефестивалях «Чашма», «Мархабо талантлар», «Зехи», на сценах Ташкента и областных центров Узбекистана, в Москве, на Украине, в Югославии. Он неоднократно награждался грамотами и дипломами областей и братских республик. По примеру этого худо-

¹⁴ Текущий архив Министерства культуры КК АССР. Годовой отчет РДНТ за 1975 г., с. 48.

¹⁵ Текущий архив Министерства культуры КК АССР. Справка к отчету Министерства культуры КК АССР на бюро обкома КП Узбекистана в мае 1976 г., с. 24.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-2487, оп. 3, д. 469, л. 213.

¹⁷ Текущий архив Министерства культуры КК АССР. Годовой отчет РДНТ за 1975 г., с. 5.

¹⁸ Текущий архив Министерства культуры КК АССР. Годовой отчет РДНТ за 1974 г., с. 4.

¹⁹ Там же. Отчет РДНТ за 1975 г., с. 3.

²⁰ «Советская Каракалпакия», 1975 г., 4 июня.

²¹ «Советская Каракалпакия», 1975 г., 28 июня.

²² Текущий архив Министерства культуры КК АССР. Материалы по подготовке вопроса на бюро обкома партии «О работе Министерства культуры КК АССР», 1976, с. 128.

²³ ЦГА КК АССР, ф. 173, оп. 1а, д. 290, л. 38.

²⁴ Текущий архив Министерства культуры КК АССР. Материалы по подготовке вопроса на бюро обкома партии «О работе Министерства культуры КК АССР», 1976, с. 105.

жественного коллектива создаются ансамбли на селе. В их числе — «Аксукуль», «Сарбинияз», «Актуба»²⁵.

Таким образом, за последние годы благодаря большой заботе партии и правительству, росту творческой активности масс значительно оживилась деятельность клубных учреждений КК АССР, которые вместе со всеми культурно-просветительными учреждениями республики несут под руководством партийных организаций растущий вклад в дело идейно-политического, культурного, эстетического воспитания трудящихся, особенно молодежи.

Ж. Турманов

²⁵ Текущий архив Министерства культуры КК АССР. О работе клубных учреждений Министерства культуры КК АССР за 1973 г., с. 27—28.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СТРАТИГРАФИИ ГОРОДИЩА КУЛЬАТА

Восточные историки и географы IX—X вв. при характеристике Чача и Илака, входивших в состав саманидского государства и располагавшихся в пределах современного Ташкентского оазиса, упоминают два городских центра, связанных с обработкой и плавкой руд. Руины одного из них расположены в сел. Кульата, к северо-западу от Алмаляка. Следы древнего завода, «дымившего тысячу, а может быть, и более лет тому назад», отметил здесь еще в 1928 г. геолог С. Ф. Машковцев¹.

Однако начало научного изучения его связывается с исследованиями М. Е. Массона по горному делу и металлургии района. В 1934 г., занимаясь исторической топографией Илака, он детально обследовал памятник, сделал археологическую съемку плана, определил, что основными видами ремесел здесь были литейное и кузнечное, и отождествил Кульата со средневековым Туккетом². Первые раскопки памятника, проведенные нами в 1961—1962 гг., позволили датировать основные рамки жизни города первой половиной I тыс. н. э. — началом XIII в. и получить некоторые сведения о развитии средневекового металлургического ремесла³.

Вместе с тем многие вопросы, в частности время становления Кульата как городского пункта и начальные этапы формирования здесь металлургии как ведущего ремесла, оставались невыясненными.

В 1976 г. была вскрыта часть северо-восточного рабада. Наблюдениями алмалякских краеведов⁴ зафиксированы следы плавильного производства и собран клад караханидских фельсов начала XI в.

Весной 1977 г. на городище проведены археологические исследования, давшие ценные материалы по истории древнего Туккета⁵. Был заново снят план города, проведены наблюдения при перепланировке территории северо-восточного рабада, заложены раскопы в цитадели и западном рабаде.

Городище расположено вдоль сая Кырккызбулак, русло которого в пределах города было расширено и с помощью плотины превращено в небольшое озеро. Цитадель (площадь — 0,75 га) занимает естественный лесовый холм одного из отрогов у подошвы Карамазарских гор. Высота ее от основания более 15 м (рис. 1).

С юго-востока примыкает возвышенная площадь небольшого шахристана (более 5 га), который с трех сторон, кроме южной, был окружен обширным торгово-ремесленным предместьем — рабадом, занимавшим всю территорию современного селения Кульата.

Первоначально площадь городища определялась в 30 га, однако в 1977 г. выявлена оборонительная стена из паховых блоков, протянувшаяся вдоль рабада в западном направлении почти на 600 м, а на востоке сливавшаяся с естественной грядой основания цитадели. Она окружает территорию площадью около 18 га. Таким образом, общая территория Туккета с пригородами превышает 45 га.

На городище выявлены 3 шлаковых отвала. С. Ф. Машковцев и Б. Н. Наследов определили объем шлаков в 15 тыс. т, но с учетом их отвала в юго-западной части городища эти данные увеличиваются более чем вдвое.

¹ Машковцев С. Ф. Горы Карамазар. Путеводитель экскурсий III Всесоюзного съезда геологов. Л., 1938.

² Массон М. Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 93—96.

³ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 158—170.

⁴ Руководил работами канд. геол.-минерал. наук М. А. Аскарлов.

⁵ Раскопки проводил археологический отряд Института археологии АН УзССР под руководством автора этих строк. В его состав вошли научные сотрудники Х. И. Дуке, В. Аминова, лаборанты З. С. Галиева, Е. С. Усова, М. Р. Тихонин. В работе участвовали также сотрудники горнометаллургического факультета ТашПИ, кандидат геол.-минерал. наук М. Аскарлов и К. Нурматов.

С трех сторон к городищу примыкают четыре курганных могильника. На городище было заложено 4 раскопа, три из них — в цитадели. Раскопы № 1,2 носили стратиграфический характер, раскоп № 3 имел своей целью исследование шлакового отвала в цитадели, раскоп № 4 — изучение отдельного холма в западном рабде.

Раскоп № 1 расположен в центре цитадели. Площадка здесь на глубину 5,5 м была срезана бульдозером. Сверху в разрезе прослеживается небольшой (30—40 см) слой с находками XV—XVI вв. н. э. Под ним — слой X—начала XIII в. (толщиной более 1,5 м) с неполивной и глазурованной керамикой (стенки из тонкого сырцового кирпича прямоугольного стандарта). В обресе встречены обломки раздавленного хума с высокой горловиной и отогнутым наружу венчиком, характерного для X—XII вв. Наиболее мощный слой VI—VIII вв. н. э. Он представлен разрезанной наискосок монументальной крепостной стеной, толщиной более 6 м. Она возведена из разнокалиберных пахсовых блоков с включением прослоек сырцового кирпича размером 48×26×9—10 см. Под ней находятся менее монументальные пахсовые постройки. Вскрытием остатков их с XII яруса вдоль описанного разреза и начатся раскоп № 1 размером 6×12 м⁶.

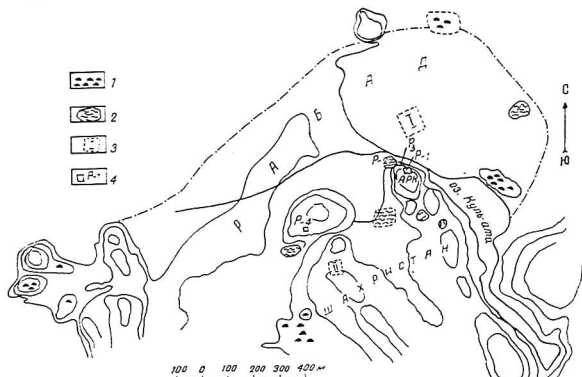

Рис. 1. План городища Тукет. Условные обозначения:

1—могильник, 2—шлаковый отвал, 3—мастерская металлургов, 4—раскоп.

С уровня конца XII — начала XIII яруса расчищены остатки помещений с пахсовыми стенами, сохранившимися лишь на высоту 10 см (толщина 110 см).

На полах помещений найдены донца лепных хумов и горшков. Встречаются фрагменты сосудов с красным лощением. Находки характерны для середины I тыс. н. э. Кроме того, здесь расчищены две ямы, идущие из верхнего слоя. В них найдены: глазурованные сосуды; обломки стекла; бронзовый сосудик-сурьмадон, на плоском донце, с носком, сливом и ручками; керамика, характерная для XI в.

Полы помещений стояли на забутовке. При ее расчистке обнаружен ранний жилой комплекс, включающий 4 частично вскрытые комнаты. Стены пахсовые, толщиной до 190 см. Пол (на уровне грани XIV—XV ярусов) покрыт рыхлыми зеленоватыми органическими отложениями с керамикой, костями животных, перекрытыми слоем, образовавшимся в результате сильного пожара.

Из находок на полу интересны материалы, связанные с ремесленным производством. Это обломки металлургических шлаков, куски известняка и ракушечник, среди которого найдены три кремневых отщепы палеолитического облика.

Ниже вновь расчищен слой забутованной площадки мощностью чуть более 0,5 м. В XVI ярусе имеется еще один уровень пола с промазкой зеленоватого цвета, вверху сильно обгоревший от пожара. На полу найдено скопление керамики, вклю-

⁶ Вертикальная фиксация слоев велась по ярусам, через каждые 0,5 м, от единого репера, что позволяет восстановить древний рельеф цитадели.

чающее целые и раздавленные сосуды. Это тагора с массивными вертикальными ручками по бокам и прямым или слегка вогнутым венчиком; горшки с массивной вертикальной ручкой, на внешней стороне которой — углубление-желобок; кринка из зеленоватой глины с небольшой ручкой на тулове и плоским донцем; лепная фляга с красными полосами-потеками с округлой стороны. Подобная керамика встречается и в слоях позднего Каунчи-1, II. Их вновь подстилает плотный слой монолитной заготовки, в которой прослеживаются несколько уровней полов в виде зеленоватых полос-обмазок толщиной до 5—6 см, отстоящих на 15 см друг от друга.

Материал на полах довольно редок. Эти плотные слои опускаются до XX яруса. Лишь в западной части прослежен вытнутой с севера на юг катакомбой (40×80 см). Дромос подходит к длинной стороне катакомбы около ног.

В 441—XXII ярусах южной части раскопа культурный слой продолжается. Между тем в северной уже начинается лёсс. В нем, в XXI ярусе, расчищено детское погребение, представленное вытянутой с севера на юг катакомбой (40×80 см). Дромос подходит к длинной стороне катакомбы около ног.

Погребенный ребенок лежал на спине, головой на север, лицом вверх. Слева у головы — целый лепной плоскодонный кувшин, близкий по форме к каунчинскому. З' входа — разбитый лепной горшок с точечно-зубчатым орнаментом и черным лощением. Площадка перед дромосом выложена обожженными камнями, вход заложён глинобитными комьями с красноватым оттенком. Захоронение по типу близко к вскрытым М. Е. Массоном в 1928 г. в районе Тойтена и, вероятно, предшествует появлению оседлой жизни на городище⁷.

К северу от раскопа № 1 заложён стратиграфический раскоп № 2 (6×6 м), пробитый от поверхности до материка на глубину 10 м; 9 из них составляют культурные наслоения. Они начинаются с 5 м от общей нивелировочной точки (с XI яруса). В XII—XIII ярусах, под разрушенными оплывами и выветренными бесформенными слоями XI яруса, расположены паховые стены; помещения заполнены рыхлым завалом. Ниже, до конца XVII яруса, уходят хозяйственные ямы. Находки из обоих культурных слоев представлены глазурированной и непольвовой керамикой, характерной для IX—XII вв. н. э. С уровня пола XIV яруса получен интересный фрагмент глазурированной чаши с растекающейся зеленой надписью-орнаментом по белому фону, характерный для конца IX в. н. э.

В XV—XVI ярусах вскрыто помещение, попавшее в раскоп углом. Его ширина — 2 м, длина не установлена. Стены монументальные, паховые, прослоенные сырцовым кирпичом (48—50×24—26×10—12 см). Толщина стен 60—110 см. Комната заполнена зольником и рыхлым завалом с керамикой, представленной непольвыми сосудами, характерными для поры раннего феодализма.

Описанное помещение стоит на мощном плотном слое, уходящем с конца XVI до XIX, а в центре раскопа — местами до начала XX яруса. Он производит впечатление специальной платформы; в ней, помимо желтых паховых слоев, встречены вкрапления серо-зеленого цвета.

В южной части раскопа картина несколько иная. Когда в центре площадки возвели помещение с полом в XVI ярусе, сюда стали сбрасывать хозяйственные отбросы, вырыв яму, уходящую до XXI яруса. Поэтому здесь образовался мощный, более 2,5 м, слой рыхлых органических и зольных отложений. В XXI ярусе отложения более плотные, желтовато-зеленые, с включениями паховой массы, а слои XVII—XXI ярусов — рыхлые, зеленоватые, с золой и углями.

Находки из этого слоя представлены керамикой и костями животных. Керамика целиком лепная, с примесью дресвы, плохим или неравномерным обжигом. В основном это венчики хумов и крупных горшков. Вместе с ними найдено большое количество шлаков, кусочки обогащенного металла. По материалу этот слой может быть датирован IV—V вв. н. э.

Начиная с XXI, а в южной части — с конца XXII яруса, встречен новый архитектурно-строительный комплекс. Слой здесь, как и выше, плотные, желто-зеленые, но это не платформа. Они идут горизонтально, с легким уклоном от северо-восточного угла на юго-запад, имеют зольно-очажные прослойки. По характеру они близки заполнению XXII яруса в южной части раскопа. Возможно, когда этот комплекс стоял в запустении и началось возведение платформы, отсюда сбросили часть культурных отложений, а в результате в южной части раскопа образовалась яма.

В северо-западном углу расчищена паховая стена, проходившая с северо-востока на юго-запад. В помещении в основном найдена лепная тонкостенная и

⁷ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, с. 183, рис. 59, 134—136, 236, 237.

⁸ Массон М. Е. Ахангаран..., с. 19—25.

толстостенная посуда — хумы, горшки, котлы. Интересна тонкостенная чаша с отворотом закраины. Она тоже лепная, но хорошо обожженная, светло-коричневого цвета. Чаша носит следы ремонта, в виде сквозных отверстий малого диаметра для скрепления фрагментов. Здесь же найдены овално-уплощенные камни, имеющие рабочие плоскости с двух или трех сторон. Это лошала, применявшиеся для растирания глины и красок и заглаживания сосудов.

Под помещением расчищен плотный желтоватый слой мощностью от 0,5 м в восточной до 1 м в западной части (XXIII—XXIV ярусы) без остатков архитектуры. Ниже вновь лежит жилой горизонт. В северо-восточной части он составляет всего 20 см, но на юго-западе уходит до 2,5 м. Здесь встречены следы золы и угля, серо-зеленые органические отложения. В них найден обломок каменной зернотерки, кости животных, фрагменты лепных плоскостонных сосудов и среди них — одна круглодонная чаша со слегка отогнутой закраиной.

Интересны стенка кувшина, обломок тагоры с ручкой и прямой венчик горшка. Посуда целиком лепная, неорнаментированная, лишь со следами полосчатого лощения.

Три последних слоя (5—7) в целом близки между собой. Они содержат материал, характерный для городищ и могильников Ташкентского оазиса первой половины I тыс. н. э., носят черты памятников каунчинской культуры и могут быть отнесены к позднему Каунчи-I — началу Каунчи-II, а верхний, четвертый слой, — к завершающей поре Каунчи-II. Сельмовый слой лежит на материке, слой которого круто падают с северо-востока на юго-запад, свидетельствуя, что первоначально был обжит лесовый холм, поднимающийся на северо-восток, к укрепленному ядру цитадели. Спуск идет в сторону древнего русла Ахангарана и его притока Кырккызбулака. Однако уже на первых этапах жизни объекта начинается его нивелировка.

К северу и северо-востоку от раскопа № 2 цитадель обрывается к саю мощным шлаковым отвалом. Поскольку он содержит ценные материалы по ремеслу, здесь проведены раскопки и разработка шлаков и материала. Из раскопа № 3 извлечен огромный материал в виде обломков руды, флюсов, шихты, шлаков, готового продукта — штейна, представляющий большой интерес для исследования истории металлургии района.

В 200 м к западу от цитадели поднимается невысокий, но обширный холм локальной застройки, овальной формы, вытянутый с востока на запад, размером 150×300 м.

В западной части холма был заложен раскоп № 4 размером 50 м². Мощность культурного слоя здесь достигает 1,5 м. Выделяются 3 слоя. Верхний сильно разрушен; его мощность — 20—30 см. Стены помещений не обнаружены, но расчищен уровень пола. От него вниз вскрыто 3 ямы-хранилища (диаметр — до 1 м, глубина — 0,8—1 м). Они заполнены рыхлой серой землей. В слое найдена невыразительная неполнивая керамика, сформованная на гончарном круге, и два фрагмента глазурованной посуды с кобальтовой, но довольно грубой росписью по белому фону. Керамика характерна для конца XV—XVI в. н. э.

Второй слой более мощен, его толщина — 70 см — 1 м. Он включает часть жилого дома. В раскоп попала хозяйственная часть комплекса. Раскрыты две паховые стены очень плохой сохранности, идущие с востока на запад и севера на юг. Они облицованы сырцовым кирпичом (размер — 38×19×4—5; 35×17×5; 32×16×5 см), уложенным торцом вверх. В слое встречены обломки жженого кирпича такого же стандарта.

В юго-западном углу хозяйства, вдоль стены, идущей на восток, расчищены два вертикальных тандыра янцевидной формы, диаметром 80 и 85 см, с легким расширением к основанию. Расположены они в 10 см друг от друга, стоят на одной сырцовой площадке высотой 10—15 см и функционировали одновременно. Изготовлены из обожженной глины с большой примесью отощителя — крупного и мелкого песка. Сопровождающий инвентарь — глазурованная и неполнивая керамика. Орнаментами глазурованной посуды — растительные и геометрические орнаменты коричневого цвета по белому фону. Керамика и стандарт кирпича характерны для XI в. Неполнивая керамика: хумы, горшки, одноручные кувшины с цилиндрической горловиной — также присуща тому времени. Однако постройки лежат на руинах более раннего комплекса.

Третий слой представлен фрагментами паховых стен, которые сохранились на высоту до 80 см. Но материал этого времени сосредоточен у пола мощностью 30—35 см. Прослойки его имеют различную плотность. В основном они рыхлые, желтоватые и серые. С пола снят раздавленный землей круглодонный котел. Внутри его сохранились следы матерчатой основы формы, на которой он лепился. Найдены также обломки горшочков и хумов. Вся керамика лепная, типичная в основном для Каунчи-II.

Таким образом, под саманидско-караханидским или караханидским слоем непосредственно лежит юэжикско-эфталитский или, скорее, эфталито-тюркский слой.

Кроме раскопов, проведены расчистки и наблюдения в ремесленно-торговом пригороде — рабаде. Наиболее интересные материалы северо-восточного рабады, где

раскрыто хозяйство ремесленников X—XI вв., занимавшихся окончательной обработкой руды и использовавших приспособления для дробления и обогащения ее с применением механической силы проточных вод. Найдены образцы руд и сосуды, возможно, химического назначения, а также фрагменты бытовой парадной глазурированной посуды с полихромным и монохромным орнаментом по белому фону под бесцветной поливой. Она типична для Чача-Илака второй половины X—начала XI в. Аналогичные материалы обнаружены в юго-восточном рабаде.

Таким образом, раскопки и наблюдения на городище Туккет дали ряд новых материалов по истории древнего металлургического центра долины Ахангарана. Начало жизни города относится не к середине, а к началу I тыс. н. э., причем к IV—V вв. были освоены площади за пределами шахристана, которые вторично обживались лишь в период расцвета средневекового города, в конце X—XI вв.

Среди населения, основавшего город, ведущая роль принадлежит тюркизированным элементам из числа оседающих на землю кочевников, сохранивших свои преобладающие обряды и, вероятно, иные культовые представления, роднящие их с полуседлыми и оседлыми племенами земледельцев и скотоводов оазиса и предгорий. Об этом свидетельствуют курганные могильники округа Туккета.

С самого начала жизнь города была связана с обработкой и плавкой полиметаллических руд, осуществлявшейся на высоком для того времени уровне. Расцвет ремесла здесь относится к X—XI вв., когда интенсивно обживались площади рабадов. Их обследование позволило уточнить размеры средневекового города, достигавшего около 50 га и имевшего несколько ремесленных кварталов в разных своих частях.

Находки каменных орудий среди известнякового сырья позволяют предположить наличие поблизости палеолитической стоянки и мастерской кремневой индустрии, открытие которой представляет интерес для истории добычи ископаемого сырья Алмалыкского района.

Ю. Ф. Буяков

К ИЗУЧЕНИЮ БУХАРСКИХ МОНЕТ МАНГЫТСКОЙ ЧЕКАНКИ

В работе Р. З. Бурнашевой, посвященной монетным эмиссиям мангытских эмиров Бухары¹, содержатся сведения о чеканке так называемых «двухфулусных» пулов, начавшейся в 1322/1904—5 г. и ознаменовавшей вместе с прекращением в том же году выпуска серебряной танги начало острого денежного кризиса в Бухарском эмирате².

На этих пулах был впервые обозначен номинал: ۳۲ — 32 [пула в серебряной танге, при официальном соотношении 64 : 1] или ۲ — 2 [пула].

Летом 1969 г. мы приобрели у одного из ленинградских коллекционеров несколько среднеазиатских монет, среди которых оказался бухарский пул необычного для медной чеканки типа.

На аверсе³ выбито: **اُخْرِبْ [بُخَارَايَ شَرِيفِ** — «чекан благородной Бухары». Над буквой **ی**, вытянутой в горизонтальную линию, дата ۱۳۲۲ х (1322). Ободок не попал на монетный кружок (рис. 1, а).

На реверсе значится: ۳۲ / **فُلوس** — «фулус», над ним — число 32; внизу — остатки даты, срезанной краем монеты. Ободок двойной: внутренний — в две линии, с цветочным орнаментом, выходящим в поле монеты, и внешний — точечный (рис. 1, б). Диаметр — 13,5 мм, вес — 2,55 г.

Точная дата чеканки не читается, ибо она оттиснута неполностью. Однако по сохранившимся цифрам ясно, что монета выпущена в начале XX в. при эмире Абдулахадзе (1303—1329/1885—1910).

Особый интерес вызывает не столько монетный тип, характерный скорее для серебряной танги, сколько число 32, помещенное над словом **فُلوس**. В публикации Р. З. Бурнашевой под № 1 описан медный пул с таким же номиналом, но совершенно иного типа (рис. 2)⁴. Между тем наш экземпляр по оформлению и содержанию

¹ Бурнашева Р. Монеты Бухарского ханства при Мангытах (середина XVIII—начало XX в.).— «Эпиграфика Востока», XVIII, 1967, с. 113—128; «Эпиграфика Востока», XXI, 1972, с. 67—80.

² Там же, XXI, с. 77—78.

³ Описан Р. З. Бурнашевой как реверс.

⁴ Указ. статья, с. 78.

легенд обеих сторон должен соответствовать типу II предыдущей чеканки 1321—22 гг. х. без деноминации⁵.

Очевидно, мы имеем дело с новым, промежуточным типом бухарских пулов, выпущенных в самом начале реформы Абдулахада. Если считать верной дату первого выпуска двухфулусных пулов (1322/1904—5 г.), то наша монета могла быть отчеканена не ранее этого года. Но нет оснований относить ее к более поздней дате, ибо в том же году началась регулярная чеканка медных монет нового типа с обозначением номинала в розетке. Она продолжалась с перерывами до 1332/1913—14 г.⁶

Рис. 1.

Рис. 2.

Появление в 1321 г. х. медных пулов, оформленных по типу серебряной тауги, можно рассматривать как своеобразную подготовку населения Бухары к изменению медномонетного стандарта и постепенному превращению его в основное, а затем и единственное средство денежного обращения в эмирате⁷. Вторым и главным шагом в осуществлении этих мероприятий, как представляется, явилось прекращение в следующем году чеканки серебра и выпуск в обращение медных пулов удвоенного номинала при сохранении их указанного веса. На практике это означало, во-первых, девальвацию вдвое курса серебряной монеты и, во-вторых, введение в оборот кредитной монеты, реальный вес и металлическое содержание которой не соответствовали ее объявленной стоимости.

⁵ Там же, с. 77. К сожалению, вторая часть этой работы издана без иллюстраций.

⁶ Там же, с. 78. В другой публикации Р. З. Бурнашевой (Организация производства и техника чеканки монет в Бухарском ханстве со второй половины XVIII до начала XX в.— «Нумизматика и эпиграфика», VI, 1966, с. 270) на рис. 4 под № 8 помещена фотография аверса медного пула 1328 г. х. Он явно того же типа, что и рассматриваемый здесь, но ни описания оборотной стороны, ни вообще каких-либо сведений о нем (которые, кстати, могли бы существенно повлиять на наше представление об этой эмиссии) в работе «Монеты Бухарского ханства...» нет.

⁷ Чеканка золотой монеты, продолжавшаяся и при эмире Сейид Алим-хане (до 1331/1912—13 г.), видимо, была чисто традиционной. Она предназначалась в основном для внешней торговли и не оказывала значительного влияния на денежное хозяйство внутреннего рынка.

На этом фоне становится понятным появление «переходного» типа медного пула. Выпуск монет, оформленных как ординарные пулы предыдущей эмиссии, но с указанием двойного номинала, населению как бы давали понять, что старый пул отныне обращается наравне с новым, т. е. по цене $1/32$ танги.

Привлекает внимание и очевидная редкость монет описанного типа. В подробном и на сегодняшний день исчерпывающем исследовании Р. З. Бурнашевой сведений о них нет. Видимо, конъюнктура бухарского рынка не требовала большого количества подобных «гибридов». Выпуск их мог быть ограничен незначительной эмиссией монет с использованием одной-двух пар штемпелей, после чего началась массовая чеканка медных денежных знаков нового образца.

Хотелось бы высказать и некоторые соображения по поводу ошибочной двойной даты на золотой тилле Абдулахада 1324/134? г. х., указанной Р. З. Бурнашевой под № 41 в табл. 3⁸.

Поскольку мангытская династия прекратила свое существование в 1339/1920 г., чеканка эмирских монет (в том числе золотых) не могла осуществляться позднее этой даты.

Возможно, здесь во второй дате (на реверсе) за цифру 4, которая в персидской и среднеазиатской палеографии обычно имеет форму ξ , ошибочно приняты две цифры — 1 и 6, при условии наклонного изображения второй из них — \surd (что тоже не редкость в графике нового времени), а скорее всего, — написания ее на штемпеле слитно с первой. Поэтому дата должна читаться как 1324/1316.

Не исключена, хотя и менее вероятна, другая причина ошибки в определении второй даты — пропуск обозначения точки (знака нуля) в дате 1304. Подобные факты в бухарском чекане нам достоверно не известны; ближайшие аналогии отмечены на монетах соседнего Афганистана того же времени.

В. Н. Настич

⁸ Бурнашева Р. Монеты Бухарского ханства..., с. 74.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН
В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УзССР (1925—1941)

В. И. Ленин неоднократно указывал, что установление юридического равенства женщин — лишь первый шаг к их подлинному раскрепощению, ибо реальное освобождение может быть достигнуто только на основе широкого вовлечения женщин в общественное производство.

В Узбекистане, как и других республиках Советского Востока, вовлечение женщин в социалистическое строительство имело особенно важное значение. Оно обеспечивало фактическое экономическое равноправие женских масс местных национальностей. Кроме того, планомерное вовлечение женщин в промышленность в значительной мере способствовало обеспечению ее кадрами.

Важным этапом в осуществлении этой задачи стал период 1925—1941 гг., когда в республике широко развернулась борьба за индустриализацию и решение других актуальных проблем социалистического строительства.

В приобщении женщин коренных национальностей к промышленному производству большую роль сыграл «Худжум», во время которого многие женщины-узбечки сбросили паранджу и пошли работать в артели, мастерские, на заводы и фабрики. Наиболее интенсивно шел процесс их вовлечения на вновь строящиеся предприятия шелкообрабатывающей, гребенной, пищевкусовой промышленности и т. д.

Одновременно были предприняты первые шаги к изучению женского труда. Большую роль в этом сыграли созданные в 1926 г. комиссии по улучшению труда и быта женщин (КУТБ), а также организованные непосредственно на производстве подкомиссии по изучению женского труда. Материалы КУТБ учитывались при составлении пятилетних планов развития народного хозяйства.

Уже в итоге выполнения планов первых советских пятилеток в УзССР сформировался значительный отряд женских промышленных кадров, и этот важный факт нашел отражение в нашей историографии.

Основной формой публикаций, выходивших в тот период по вопросу о женских промышленных кадрах республики, были небольшие статьи, брошюры, очерки, литературно-художественные сборники, содержавшие в целом значительный фактический материал, но не имевшие еще должных теоретических обобщений.

Уже в 1925—1927 гг. был опубликован ряд газетных и журнальных статей, рассказывавших о первых шагах женщин-узбечек на шелкоткацких и текстильных фабриках, о росте кадров работниц местных национальностей, об условиях и характере выполняемой ими работы¹.

В 1927 г. вышел первый сборник очерков «От ичкари к Октябрю». Автор очерка «Узбечки в производственной жизни страны»² поднимал актуальные вопросы — о подготовке женских кадров для ткацкого производства, о необходимости снабжения ткацких артелей усовершенствованным оборудованием, организации ткацких школ и др.

В очерках Г. Лимановского рассказывалось о работе узбекских женщин на гребенной фабрике³. А. Савина осветила трудный путь женщины-узбечки к участию в промышленном производстве, раскрыла большую роль женотделов в этом деле⁴.

¹ Отмарштейн Л. На обработке шелка (в гребенной мастерской г. Ходжента). — «Работница», 1925, № 1, с. 4; Гаврилов М. Ткацкое искусство узбекской женщины. — «Народное хозяйство Средней Азии», 1927, № 1—2, с. 46—56; Лимановский Г. Узбечки на производстве. — «Правда Востока», 1927 г., 28 января; Савина А. Без чадры. — «Работница», 1927, № 26, с. 7—9.

² Миронов А. Узбечки в производственной жизни страны. — В кн. «От ичкари к Октябрю», Ташкент, 1927, с. 79—86.

³ Лимановский Г. Руками женщин; Узбечка с микроскопом. — «От ичкари к Октябрю», с. 99—105.

⁴ Савина А. Гребенная фабрика в Фергане. — Там же, с. 112—116.

В частности, автор показывает динамику роста местных женских кадров на Ферганской гребной фабрике: в 1924 г. здесь работало всего 12 человек, а в 1926 г. — 500, в том числе 300 узбечек.

Большое значение в фактическом раскрепощении женщин-узбечек имела организация их в производственные объединения кустарного типа. Подчеркивая это, А. Артюхина, бывшая в 1924—1930 гг. заведующей женотделом ЦК ВКП(б), писала, что «путь к поднятию экономического уровня беднячки на Востоке прежде всего лежит через кустарные артели»⁵.

О повсеместной организации кустарных производств рассказывали статьи и заметки женского журнала «Янги-юль» — органа женотдела ЦК КП(б)Уз. Авторы ряда статей⁶ отмечали, что женщины-узбечки успешно работают на станках и швейных машинах. Их достижения подтверждали полную несостоятельность домослов противников женского равноправия о «нерентабельности» женского труда, низкой его производительности, «неспособности» женщин обращаться с техническим оборудованием и проч.

Автор одной из статей — Давыдова⁷ осветила директивы Средазбюро ЦК ВКП(б) и Средазбюро ВЦСПС о преимущественном комплектовании шелкомоторных и гребных предприятий «Туркшелка» женской рабочей силой; привела интересные данные о росте удельного веса женского труда в промышленности Узбекской ССР. Поднимался также вопрос о повышении квалификации работниц на основе ликвидации их неграмотности и общей культурной отсталости. Отмечалась необходимость особой заботы об охране труда и бытовых нуждах работниц. Статья представляла научный интерес, ибо позволяла судить о роли женского труда в текстильном производстве Узбекистана и вместе с тем давала общее представление о его применении в других отраслях промышленности республики.

Остро ставила вопрос о подготовке квалифицированных женских кадров и А. Артюхина⁸. Она справедливо отмечала, что на Востоке вопрос о квалификации работниц особенно важен, ибо женщина «идет впервые на фабрику, работать не умеет, не знает фабричных законов, у нее нет производственной дисциплины». По мысли автора, основные пути подготовки квалифицированных работниц — ученичество, профтехшколы, техникумы, фабзавучи.

Вопрос о подготовке квалифицированных рабочих кадров, в том числе из женщин местных национальностей, стал еще более актуальным в период первой пятилетки. Этому, в частности, посвящена статья Зайко «Саноатда хотин-кизлар мехнати»⁹. Приводя цифровые данные о количестве женщин коренных национальностей на предприятиях, автор считает основной причиной их недостаточного вовлечения в производство недооценку значения этого вопроса некоторыми руководителями предприятий (например, в системе «Туркшелка») и слабый контроль профсоюзных организаций за проведением соответствующих мероприятий, включая улучшение культурно-бытового обслуживания женщин, расширение сети детских дошкольных учреждений, предприятий общественного питания и т. п.

Статья Бакиева «Хотин-кизлардан малакали кадрлар тайёрлаш диққат марказига олинсин»¹⁰ также обращала внимание на недостаточное широкое вовлечение женщин в производство, плохую техническую подготовку работниц. Автор, подчеркивая необходимость устранения этих недостатков, призывал к решительному преодолению неверных взглядов по вопросу о вовлечении женщин в производство и их роли в народном хозяйстве.

В 1930 г. был опубликован сборник очерков «В борьбе за раскрепощение»¹¹. Инициаторами его издания были один из первых советских историков-спецалистов Л. Готфрид и активная участница борьбы за раскрепощение женщин республики, впоследствии заместитель министра просвещения УзССР Е. Рачинская. Эта книга стала первой хрестоматией для женских уголков, школ, клубов, делегатских собра-

⁵ Артюхина А. Очередные задачи партии в работе среди женщин. М.—Л., 1926, 43 с.

⁶ См.: Хайё. Тикиш артели «Учкун». — «Янги-юль», 1928, № 10, с. 17; Н. Узбек иши хотинлар дасталари етишиб борди. — «Янги-юль», 1929, № 1, с. 12—13; Фатиха. Саноат артелиларида хотинлар мехнати. — «Янги-юль», 1929, № 1, с. 21; Бурнашев Е. С. Ипакчилик, тикувчилик артели. — «Янги-юль», 1927, № 5, с. 24.

⁷ Давыдова. Женский труд в промышленности Узбекистана. — «Коммунистка», 1928, № 11, с. 67—68.

⁸ Артюхина А. Очередные задачи комиссий по улучшению труда и быта женщин Востока. — В кн.: «Труд и быт женщин Востока. Материалы Всесоюзного совещания комиссий по улучшению труда и быта женщин Востока», М., 1928, с. 4—6.

⁹ «Янги-юль», 1931, № 3, с. 5—6.

¹⁰ «Янги-юль», 1932, № 5, с. 7.

¹¹ В борьбе за раскрепощение. Посвящается 10-летию отделов работниц и дехкан Средней Азии. Ташкент, 1930, 78 с.

ний. В ней подробно рассказывалось и о работе женщин на производстве (на шелкомотальных фабриках, в ковроделии и др.), развитии среди них ударничества и других форм социалистического соревнования.

В 1931 г. вышла в свет брошюра Т. Валедницкой «Шелковый художум», состоявшая из нескольких очерков¹². В ней простым, доступным языком рассказывалось о передовых работницах-активистках Самаркандской шелкомотальной фабрики «Худжум» Хурсан Захировой, Зильпо Сафаевой, Дауро Гилькаровой и др., о том, как формировались кадры работниц этого предприятия, как улучшались условия их труда и быта, о соревновании лучших тружениц «Худжума» с передовиками грузинской шелкомотальной фабрики, об организации производственных коммун, о награждении фабрики за высокие производственные успехи Красным Знаменем и т. д. Эта книга, раскрывающая жизнь трудового коллектива одной фабрики, где большинство работающих составляли женщины, свидетельствовала об усилении роли женского труда и росте политической сознательности тружениц Востока.

Об этой же фабрике рассказала и Х. Тилляханова¹³ — одна из известных деятельниц женского движения в Узбекистане, бывшая редактором журнала «Янги-юль», — в своем публицистично и эмоционально написанном очерке «Меҳнат юртида ҳақиқат тароналари».

В том же году издается первый публицистическо-художественный сборник «Чачваны горят». В нем обращает на себя внимание насыщенная цифровыми материалами статья А. Вольного «Женский труд в промышленности»¹⁴, где ставился вопрос об использовании женских кадров в металлообрабатывающей, деревообрабатывающей промышленности и на транспорте. Автор отмечал, что женщины могут овладеть многими промышленными специальностями, но для этого надо развернуть широкое обучение женских кадров в школах ФЗО и др.

Я. Гальперштейн¹⁵ впервые выдвинул вопрос о возможности вовлечения женщин в промышленное строительство. При этом первоочередное внимание уделяется привлечению на производство женщин коренной национальности.

В сборник вошли очерки и рассказы, содержащие ценные исторические данные, значительный фактический материал. Само появление подобных брошюр, книг и очерков вносило большой вклад в раскрепощение женщин, активное приобщение их к строительству новой жизни.

Литература того времени свидетельствует не только о количественном росте женщин-производительниц, но и о повышении их квалификационного уровня, росте общественного сознания и культуры.

Успехи работы по формированию национальных женских кадров в годы первой пятилетки были отмечены в обращении среднеазиатского слета работниц-ударниц¹⁶. Здесь, в частности, отмечается, что кадры работниц промышленности за этот период возросли с 1200 до 1700, в том числе из коренных национальностей — с 300 до 700. Значительно выросла сеть культурно-бытовых учреждений, что способствовало закреплению женских кадров в промышленности. Намного повысились производственная активность работниц, их участие в социалистическом соревновании.

Вместе с тем слет указал на ряд недостатков в подготовке и воспитании женских национальных промышленных кадров и наметил конкретные меры по устранению этих недостатков.

Материалы слета послужили ценным документом для изучения вопроса о становлении и развитии женских промышленных кадров республики.

Участию женщин в развитии промышленности в годы второй пятилетки также посвящено немало газетных и журнальных статей, как, например, «Ударницы предлагают организовать конкурс на лучшее предприятие»¹⁷, «Растет армия тружениц социалистической индустрии»¹⁸, «Женщина в шелковой промышленности»¹⁹, «В рядах стахановцев — раскрепощенные женщины»²⁰, очерки о трудовой деятельности артистки Хашимбаевой — организатора и руководителя кустарно-промысловой артели «Қзыл-

¹² Валедницкая Т. Шелковый художум. Очерки об ударницах Узбекистана. М., 1931, 37 с.

¹³ «Янги-юль», 1930, № 6, с. 10—11.

¹⁴ Вольный А. Женский труд в промышленности. — В кн.: «Чачваны горят», М.—Ташкент, 1931, с. 22—27.

¹⁵ Гальперштейн Я. О задачах комитетов по улучшению труда и быта. — В кн.: «Чачваны горят», с. 5—20.

¹⁶ Обращение среднеазиатского слета работниц-ударниц. М.—Ташкент, 1933, с. 3.

¹⁷ «Правда Востока», 1932 г., 2 января.

¹⁸ «Правда Востока», 1934 г., 8 марта.

¹⁹ Масленикова А. Женщина в шелковой промышленности. — «Вопросы профдвижения», 1936, № 3, с. 51—53.

²⁰ Лимановский Г. В рядах стахановцев — раскрепощенные женщины. — «Советский хлопок», 1937, № 11—12, с. 91—93.

Мехнат»²¹, о депутате Верховного Совета СССР Мавжуде Абдурахмановой²² и др.

Выходят в свет и некоторые публикации общего характера, содержащие отдельные данные по Узбекской ССР. Так, небольшая брошюра Гейлера, освещающая участие женщин в выполнении первого пятилетнего плана, содержит цифровой материал и по Узбекистану²³.

В одном из разделов книги А. Нухрата²⁴ повествуется о героинях социалистического строительства. Автор приводит интересные данные о многогранной работе по вовлечению женщин в промышленное производство, которая проводилась во время слетов работниц-ударниц, проходивших во многих городах Узбекистана.

Книга Г. Н. Серебrenникова²⁵ — первое фундаментальное исследование вопросов женского труда в СССР. В главе «Общие итоги первой пятилетки в области женского труда» говорится и о значении женского труда в национальных республиках, в частности в Узбекистане, о трудностях и успехах в деле вовлечения местных женщин в производство.

Достижения в этой области отмечаются и в статистическом сборнике «Женщина в СССР»²⁶, где приводится масса цифровых данных о занятости женщин Узбекистана в промышленности и других отраслях экономики.

Первым научно-популярным изданием, наиболее полно раскрывающим роль женщин в развитии промышленности и сельского хозяйства республики, их участие в культурном строительстве, стала книга Д. М. Рудницкой «Женщина Советского Узбекистана»²⁷. В ней приведены многочисленные данные о количестве женщин во всех отраслях промышленности, о прославленных ударницах фабрик и заводов. Успехи, достигнутые Коммунистической партией в раскрепощении женщин нашей страны, умело противопоставлены бесправному положению работниц в странах капитала.

Сборники «К Всесоюзному совещанию жен-общественниц...»²⁸, «Жены-общественницы»²⁹ были посвящены активисткам предприятий легкой и текстильной промышленности Узбекистана.

Оценивая в целом литературу по вопросу о женских промышленных кадрах Узбекистана в 1925—1941 гг., необходимо отметить, что для нее характерны не только стремление к констатации успехов вовлечения женщин в производство, но и тяготение к изучению женского труда, а также решительная борьба с противниками раскрепощения женщин.

Другой важной тенденцией публикаций на эту тему было стремление показать процесс приобщения к промышленному производству широких женских масс коренного населения.

Надо сказать, что все эти работы носили фактологический характер, зачастую не имели теоретических обобщений. Отсутствие специальной научной литературы объяснялось малочисленностью исторических кадров, слабой еще изученностью вопросов женского труда. Вместе с тем брошюры, газетно-журнальные статьи тех лет, написанные по следам событий, содержат огромный объем информации. Некоторые из них уже имеют элементы научного подхода (Рудницкая, Давыдова, Вольный). В них затронут ряд важных аспектов участия женщин в социалистической индустриализации Узбекистана.

В своей совокупности эти публикации достаточно полно отражают процессы вовлечения женщин, особенно коренных национальностей, в растущую промышленность республики, повышение их роли в индустриализации Узбекистана, значение этих процессов для фактического раскрепощения женских масс, воспитания их в духе активных строителей и членов социалистического общества. Само появление указанных публикаций сыграло в этом немалую роль. Для современных же исследователей они служат ценными источниками разнообразного материала для изучения истории раскрепощения женщин-узбечки, многогранной деятельности Коммунистической партии Узбекистана по вовлечению женщин в общественное производство, формированию женских промышленных кадров, повышению их роли и творческой активности в индустриализации республики, всенародной борьбе за победу социализма.

Д. А. Алимова

²¹ Савич Б. Сабира.—«Работница», 1935, № 27, с. 5.

²² Маркевич Н. Мавжуда Абдурахманова.—«Общественница», 1938, № 4, с. 34—35.

²³ Гейлер. Четырнадцатый год пролетарской революции. М.—Ташкент, 1930, 11 с.

²⁴ Нухрат А. Октябрь и женщина Востока. М., 1932, с. 55—56.

²⁵ Серебrenников Г. Н. Женский труд в СССР. М., 1934, 239 с.

²⁶ Женщина в СССР. Статистический сборник. М., 1937, 191 с.

²⁷ Рудницкая Д. М. Женщина Советского Узбекистана. Ташкент, 1939, 70 с.

²⁸ К Всесоюзному совещанию жен-общественниц легкой промышленности. Апрель 1937. Ташкент, 1937, 51 с.

²⁹ Жены-общественницы (Опыт работы на предприятиях текстильной промышленности УзССР). Ташкент, 1940, 48 с.

ХРОНИКА

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

30 июня 1978 г. в Академии наук УзССР прошла научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения великого революционера-демократа, одного из крупных русских художников слова Николая Гавриловича Чернышевского.

В работе сессии приняли участие научные сотрудники Института языка и литературы, философии и права, истории АН УзССР, а также Института искусствознания при Министерстве культуры УзССР и Ташкентского театрального института.

Во вступительном слове вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедов охарактеризовал основные философские, исторические и эстетические проблемы, связанные с именем и деятельностью Н. Г. Чернышевского.

Литературно-эстетические принципы Н. Г. Чернышевского получили освещение в докладе директора ИЯЛИ АН УзССР, доктора филол. наук М. К. Кошчанова.

Деятельность Чернышевского как выдающегося мыслителя и революционера-демократа обрисовал в своем докладе доктор филос. наук А. К. Валиев. Доктор ист. наук В. В. Лунина сделал доклад на тему «Чернышевский и проблемы историзма в антропологии». Новые интересные данные привел доктор филос. наук Х. П. Вахидов в своем докладе «Н. Г. Чернышевский и развитие общественно-философской мысли народов Средней Азии в конце XIX — начале XX века».

Значение творческого наследия Чернышевского для развития современного литературоведения и критики было раскрыто в докладе доктора филол. наук С. М. Мамджанова.

На сессии были заслушаны также выступления директора Института искусствознания, акад. АН УзССР В. Ю. Захидова, члена-корр. АН УзССР И. А. Султанова, доктора филол. наук М. Ю. Юнусова.

Проведение этой сессии еще раз продемонстрировало глубокий интерес ученых Узбекистана к бессмертному наследию Н. Г. Чернышевского.

П. Тартаковский

ПАМЯТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

31 мая 1978 г. состоялась научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения великого русского писателя Л. Н. Толстого. Она была организована Президиумом АН УзССР и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина.

Открывая сессию, вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедов подчеркнул значимость ленинского подхода к анализу творчества и мировоззрения Л. Н. Толстого во всей их сложности и противоречивости.

С докладом «Эстетические воззрения Л. Н. Толстого и опыт создания теории литературы в Узбекистане» выступил член-корр. АН УзССР, доктор филол. наук И. А. Султанов, отметивший большое влияние творческого наследия Л. Н. Толстого на развитие эстетической мысли в нашей стране, в частности на создание теории литературы в Узбекистане.

В докладе доктора филол. наук М. М. Расули было показано воздействие творчества Л. Н. Толстого на формирование различных жанров узбекской литературы и творческую манеру узбекских советских художников слова.

О переводах произведений Л. Н. Толстого на узбекский язык говорилось в докладе доктора филол. наук Дж. Шарипова «Л. Н. Толстой на узбекском языке».

Канд. филол. наук П. Кадыров осветил воздействие принципов и идеалов Толстого на творчество узбекских писателей.

Доклад канд. филол. наук Э. А. Каримова «Лев Толстой и Абдулла Кадыров» был посвящен проблеме психологизма в произведениях обоих писателей.

Канд. филол. наук Р. М. Сабирова остановилась на преемственности традиций Л. Н. Толстого в изображении человека в узбекской советской прозе.

Канд. филол. наук М. Ибрагимов сделал доклад «Л. Н. Толстой как детский писатель».

Юбилейная сессия явилась новым свидетельством того большого интереса, который проявляется литературоведами нашей республики к творчеству великого русского писателя, чьи произведения вошли в сокровищницу мировой литературы.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПУШКИНУ

Р. Дияжева

14 июня 1978 г. Президиум АН УзССР и Институт языка и литературы провели научную сессию, посвященную 179-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина. Ее открыл вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедов. Он подчеркнул огромную роль пушкинского наследия в развитии советской многонациональной литературы, обратил внимание присутствующих на необходимость серьезной разработки темы «Пушкин и Средняя Азия», привел примеры, свидетельствующие о большом внимании великого русского поэта к истории и языку тюркоязычных народов.

Доктор филол. наук С. Эркинов сделал доклад «А. С. Пушкин и узбекская литература», где, в частности, раскрыл воздействие поэтического наследия Пушкина на творчество выдающего узбекского поэта Х. Алимджана. Докладчик отметил необходимость новых изданий переводов Пушкина на узбекский язык.

В докладе канд. филол. наук И. Я. Темкиной «Пушкин в русской советской поэзии 20-х годов», построенном на анализе посвященных Пушкину стихотворений А. Блока, В. Пастернака, Э. Багрицкого, С. Есенина, В. Маяковского, рассматриваются традиции «поэтической Пушкинианы».

Канд. филол. наук М. Ибрагимов сделал доклад «Образ Пушкина в узбекской советской поэзии», а канд. филол. наук И. Муминов — «Пушкин и фольклор», где отметил элементы восточного фольклора в ряде произведений А. С. Пушкина.

С докладом «Поэзия Пушкина на узбекском языке» выступил научный сотрудник Института А. Матакубов.

Широкий научный диапазон сессии свидетельствует о том серьезном внимании, которое уделяется в Узбекистане изучению творчества великого поэта.

Т. Лобанова

«БАРТОЛЬДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 1978»

17—21 апреля 1975 г. в Институте востоковедения АН СССР состоялись четвертые «Бартольдские чтения», на которых обсуждались в основном вопросы товарно-денежных отношений на средневековом Востоке. В их проведении приняли активное участие ученые Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Баку, Душанбе, Махач-Калы, Самарканда, Ташкента, Тбилиси, Фрунзе и других городов страны.

Многие доклады и сообщения касались среднеазиатской тематики. Вот названия некоторых из них: «К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде» (А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак и В. И. Распопова), «Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью» (Е. А. Давидович и Е. В. Зеймаль), «Золото в денежном хозяйстве Средней Азии IX—XVIII вв.» (Е. А. Давидович), «К вопросу о товарности женских промыслов» (О. А. Сухарева), «Женские промыслы как часть товарного производства. Этнографические данные по восточным бекствам Бухарского ханства» (Б. Х. Кармышева) и др.

Были заслушаны также выступления ученых Ташкента. О. Д. Чеховича сделала доклад «О жизни города по юридическим источникам», подчеркнув важность юридических трактатов средневековья как ценных источников для изучения социально-экономической жизни среднеазиатских городов.

Р. Г. Мукминова в докладе «Скупщики товаров и поставщики сырья в Средней Азии XVI века» сделала попытку раскрыть тему на примере ткачества — одной из наиболее развитых отраслей ремесленного производства Средней Азии той эпохи.

Б. В. Лунин выступил с сообщением «По следам послеоктябрьских поездов В. В. Бартольда в Среднюю Азию (Организация и уровень востоковедческих исследований, состояние и деятельность библиотек и музеев в 20-е годы и в наши дни)».

История Средней Азии освещалась также в сообщениях Н. О. Турсунова («Динамика городов и селений районов Средней Азии в XVIII — начале XX в.»), М. А. Буновой («Обеспечение рудничных поселений продуктами питания на примере поселения XI века Базар-Дара») и др.

Ученые Узбекистана (Ю. Ф. Буряков, Т. К. Кадырова, Б. В. Лунин, Р. Г. Мукминова, О. Д. Чехович) активно участвовали и в обсуждении некоторых докладов и сообщений.

В ближайшее время из печати выйдут материалы первого и второго годов «Бартольдских чтений».

Следующие «Чтения» (год пятый) состоятся в 1980 г.

Ж. А. Белоусова

МУНДАРИЖА

С. Қ. Зиёдуллаев. Ўрта Осиё ишлаб чиқариш кучларининг ривожланиши ва сув билан таъминлаш проблемалари.	3
Ғ. А. Аҳмедов, Б. А. Миренский. СССР Қонунлари мажмуасини тайёрлаш муносабати билан жиноят тўғрисидаги қонунчиликни такомиллаштириш шарт-шароитлари.	8

Л. Н. Толстой туғилган куннинг 150 йиллигига

М. М. Расулий. Ўзбек адабиётини ривожлантиришда Л. Н. Толстой ижодининг аҳамияти.	16
И. Султонов. Ўзбекча адабиёт назариясини яратишда Л. Н. Толстой қарашларининг роли	20

И. М. Мўминов туғилган куннинг 70 йиллигига

М. Қ. Нурмухамедов. Олим, педагог, илм ташкилотчиси	25
---	----

Илмий ахборот

Д. Абдухолиқов, Б. Дурдибоев. Классик статистик физика ва тасодиф проблемалари.	31
С. Мавлонбекова. 1966—1970-йилларда ЎзССР қишлоқ хўжалиги учун кадрлар тайёрлаш тўғрисида.	33
Ж. Турмонов. Қорақалпоғистон клуб муассасаларининг ҳозирги bosқичдаги фаолияти.	35
Ю. Ф. Буряков. Қулога шахри стратиграфиясига оид янги материаллар	38
В. Н. Настич. Мангитлар зарб қилган Бухоро тангаларини ўрганишга доир.	42

Историография

Д. А. Алимова. Хотин-қизларнинг ЎзССР саноати ривождаги иштироки историографияси (1925—1941)	45
--	----

Хроника

П. Тартаковский. Н. Г. Чернишевскийнинг 150 йиллигига бағишланган илмий сессия.	49
Р. Дияжева. Л. Н. Толстой хотираси.	49
Т. Лобанова. Пушкинга бағишланади.	50
Ж. А. Белоусова. «Бартольдхонлик — 1978».	50

СОДЕРЖАНИЕ

С. К. Зиядуллаев. Развитие производительных сил и проблемы водообеспечения Средней Азии	3
Г. А. Ахмедов, Б. А. Миренский. Предпосылки совершенствования уголовного законодательства в связи с подготовкой Свода законов СССР	8

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого

М. М. Расули. О значении творчества Л. Н. Толстого в развитии узбекской литературы	16
И. Султанов. Роль эстетических взглядов Л. Н. Толстого в создании теории узбекской литературы	20

К 70-летию со дня рождения И. М. Муминова

М. К. Нурмухамедов. Ученый, педагог, организатор науки	25
--	----

Научные сообщения

Д. Абдихаликов, Б. Дурдыбаев. Классическая статистическая физика и проблема случайности	31
С. Мавлянбекова. О подготовке кадров для сельского хозяйства УзССР в 1966—1970 годах	33
Ж. Турманов. Деятельность клубных учреждений Каракалпакии на современном этапе	35
Ю. Ф. Буряков. Новые материалы к стратиграфии городища Кульата	38
В. Н. Настич. К изучению бухарских монет мангытской чеканки	42

Историография

Д. А. Алимова. Историография участия женщин в развитии промышленности УзССР (1925—1941)	45
---	----

Хроника

П. Тартаковский. Научная сессия, посвященная 150-летию Н. Г. Чернышевского	49
Р. Дияжева. Памяти Л. Н. Толстого	49
Т. Лобанова. Посвящается Пушкину	50
Ж. А. Белоусова. «Бартольдовские чтения — 1978»	50

Цена 40 к.

Индекс
75349